

ЕЛЕНА МУНАС

НЕВЕСТА
НОВОЗЕЛАНДСКОГО
ЛЁТЧИКА

Елена Мунас

Невеста

НОВОЗЕЛАНДСКОГО ЛЕТЧИКА

<https://litres.ru/73755904>

SelfPub; 2026

Аннотация

У стойки регистрации Вильям замедлился. Выражение лица стало сосредоточенным, почти серьезным. Внимательно глядя мне в глаза — слишком внимательно для обычной шутки — он сказал:

— Давай заключим пари. Если твой чемодан весит двадцать килограммов, ты выйдешь за меня замуж.

— Что?.. — слова застряли где-то между удивлением и смехом. — Ты сейчас серьезно? Третий день знакомства? Ты о чем вообще?

Он не ответил. Никаких улыбок или попыток перевести все в шутку. Просто поднял чемодан и опустил его на ленту, словно ставил на кон все, что у нас было.

Цифры на табло замигали и замерли: двадцать килограммов двести граммов.

Мы переглянулись. Это было слишком точное попадание, чтобы списать его на удачу, и слишком безумное, чтобы принимать всерьез. Казалось, кто-то там, наверху, просто решил

подтолкнуть меня к решению, выверив вес моего будущего до грамма.

«Невеста новозеландского летчика» — история о любви, путешествиях и о риске, на который стоит пойти, даже если жизнь давно уже набрала высоту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	64
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	73
Глава 16	79
Глава 17	82
Глава 18	86
Глава 19	90
Глава 20	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Елена Мунас

Невеста

НОВОЗЕЛАНДСКОГО ЛЕТЧИКА

Глава 1

В самый разгар новозеландского лета, а именно тридцать первого декабря, пока нормальные люди режут оливье и упаковывают подарки, я и вместе со мной ураган Гита прилетели в Новую Зеландию.

Мой рейс оказался почти чудом: большинство вылетов в те дни просто отменили. Дождь хлестал по иллюминатору длинными серебристыми струями, самолёт трясло и швыряло в воздушные ямы, и пассажиры то и дело вскрикивали от страха.

Я сидела, вцепившись в подлокотники, и молилась. Казалось, что нас держит в небе не техника, а чистое упрямство пилотов. И они справились — их мастерство позволило нам приземлиться.

Когда колёса коснулись мокрого асфальта, я почувствовала, будто внутри меня кто-то разрезал тугой узел — напряжение наконец отпустило.

Аэропорт Окленда встретил шквалистым ветром, кото-

рый врывался в автоматические двери и нёс с собой запах мокрого асфальта, соли и свежей зелени. Воздух лип к коже, волосы тяжелели от влажности.

В зале прилёта было немногочленно. Иммиграционный офицер неторопливо пролистал мой паспорт, с трудом отыскал свободную страницу, аккуратно поставил штамп и улыбнулся: — *Киа Ора*.

Добро пожаловать в *Аотеароа* — «страну длинного белого облака» по-маорийски. Только вот в этот день облако выдалось чёрным, рваным и насквозь мокрым. Название, придуманное первыми открывателями этих земель, сейчас звучало как горькая насмешка: дождь лил так плотно, что казалось — выйдешь и поплывёшь. Я знала, что погода в Новой Зеландии всегда была лотереей. Но с таким размахом меня здесь встречали впервые.

На этот раз Новая Зеландия превзошла саму себя. К моему приезду она приготовила самое жаркое за последние сто лет лето, а вместе с ним беспрецедентную влажность, проливные дожди, а позже и засуху с рекордным нашествием насекомых.

У выхода меня ждала дочь — с мокрыми прядями, прилипшими к щекам, в своём ярко-жёлтом дождевике, похожая на жизнерадостный поисковый маяк в серой толпе.

— Мам, это даже для нас перебор. Ты привезла шторм в чемодане? — спросила она, обнимая меня так мокро и крепко, что я сразу почувствовала себя дома.

Я сжала её в ответ, потом отстранилась, пытаясь рассмотреть её сквозь пелену влаги и усталости. Вопросы посыпались из меня градом, обгоняя здравый смысл:

— Как ты, родная? Сколько мы не виделись, Ана? Ты на машине? Как ты вообще добралась сюда в этот библейский потоп?

— Приплыла, — невозмутимо отшутилась она, подхватывая мою сумку. — Тут теперь каждый второй — капитан дальнего плавания по совместительству.

Моя дочь уже несколько лет строила свою жизнь на этих островах. Ирония судьбы заключалась в том, что её мужем стал человек, с которым я когда-то делила рабочие будни на Ближнем Востоке — задолго до того, как он официально приобрёл статус «любимого зятя».

Ещё в те времена этот кандидат производил на меня исключительно приятное впечатление: подозрительно добрый, вопиюще интеллигентный и пугающе надёжный. Мысль пристроить его в надёжные руки собственной дочери возникала у меня не раз.

В итоге общие друзья сработали лучше любого сайта знакомств. Стоило им устроить «случайную» встречу, как ловушка захлопнулась: они понравились друг другу, и вуаля — теперь мы родственники. Так мой бывший коллега, совершил головокружительный карьерный прыжок и превратился в законного члена семьи.

Недавно их молодая семья переехала из столицы в самый

большой город страны — Окленд. Я прилетела к ним в гости с чётким, почти генеральным планом: помочь с обустройством, выбрать идеальный диван, расставить чашки по фэн-шую. Все было распланировано. Но, как это часто бывает, жизнь прочитала мой план и молча внесла свои коррективы.

Циклон, пронёсшийся по острову в первые дни нового года, оставил нас и ещё двадцать тысяч счастливиц без связи и электричества. Вместо штурма мебельных центров мы оказались заперты в обесточенном пространстве, где главным развлечением стало созерцание стихии через панорамные окна.

Когда порывы ветра становились особенно яростными, казалось, что наш типичный новозеландский дом — лёгкий и принципиально не обременённый фундаментом — вот-вот решит сменить прописку. Мы чувствовали себя героями «Волшебника страны Оз», готовыми взмыть в небо прямо в пижамах. Хотя зачем куда-то лететь? Новая Зеландия и так настоящий край света, а за горизонтом только Антарктида.

Но, как оказалось, и на краю земли жизнь умеет удивлять — ураган Гита был лишь прологом. А настоящий шторм в моей жизни начнётся позже. И у него будет совсем другое имя.

Глава 2

Когда Гита, наконец, выдохлась и погода снова стала радовать ясным небом и теплым солнцем, наша жизнь заметно оживилась.

Мы с Анной перешли к решительным действиям: обзавелись мангалом внушительных размеров, элегантной посудой, которая выглядела достойно даже для самых заносчивых гостей. Но главным нашим приобретением стали глубокие кресла цвета морской волны — настолько коварные, что, однажды присев в них с бокалом коктейля, ты рисковал без вести пропасть для социума до самого конца выходных.

По вечерам, когда участок подмигивал уютными фонариками, а из колонок лился бархатный перебор гитарных струн, наш двор наполнялся голосами соседей и родственников, их смехом, последними сплетнями, звоном бокалов и ароматом жареного мяса, перед которым пасовали любые диеты.

Некоторые из гостей особенно привлекали моё внимание. Например, пары, прожившие вместе столько лет, что слова им давно заменила телепатия. Их безмолвный диалог был отточен сотнями совместных завтраков и множеством семейных штормов, благополучно пережитых в одной лодке. Он, увлечённо споря о политике, подливал ей вина — ровно столько, сколько требовала её душа, не спрашивая. Она,

предугадывая каждое его желание, подавала ему именно тот самый кусок мяса, не глядя. В этих жестах не было ни грамма показухи — лишь трогательная, как хорошее выдержанное вино, уверенность в себе и друг в друге.

Я смотрела на этот аттракцион семейного единства с искренней теплотой и лёгкой, едва уловимой грустью. В такие моменты мой генеральный план по расстановке чашек по фэншую в чужом доме казался лишь жалкой попыткой отвлечься. Глядя на эту тихую гармонию, я остро чувствовала: мне тоже жизненно необходим человек, с которым можно делить не только пафосные вечера на веранде, но и сомнительное удовольствие серых будней. Кто-то, кого хотелось бы ждать дома, и кто в ответ так же преданно ждал бы меня.

С каждой вечеринкой меня всё чаще посещали мысли, что дети выросли и живут своей жизнью. И разве это было не лучшее время, чтобы наконец подумать о собственной?

— Что ж, — наполняя себе бокал, усмехнулась я, — Вселенная делает мне недвусмысленный намёк, игнорировать который было бы просто невежливо. Оказаться в канун Нового года в новом городе, в новом доме — выглядит уж слишком символичным. А значит, пришло время дать себе новый шанс и на новые отношения.

Я открыла сайты знакомств. Названия некоторых звучали для меня магически, обещая интригу и неизведанные перспективы. Чем дальше я листала страницы, тем больше убеждалась: идея не так уж плоха. Мужчин в виртуальном

пространстве было в изобилии... и многие на фото выглядели вполне способными подливать вино, не спрашивая.

Глядя в телефон, я почувствовала, что поворотный момент настал — виртуальный мир приоткрыл передо мной свои двери. Не подозревая, кто именно окажется по ту сторону экрана, я решила войти и нажала «Зарегистрироваться».

Глава 3

Среди десятка утренних сообщений взгляд зацепился за одно: крепкий, бронзовый от загара мужчина картинно подпирал плечом Пизанскую башню.

Итальянец? Или просто любитель позировать на фоне чужих достопримечательностей? — подумала я и сама удивилась своей улыбке.

В мире, где мужчины на аватарках чаще всего позировали с пойманной рыбой или на фоне внедорожников, этот архитектурный атлант выглядел почти экзотично. Но что делает итальянец на местном сайте?

Наверное, он всё-таки иммигрант, — проскочила мысль, которая неожиданно согрела.

В Новой Зеландии, стране вечных переселенцев, где почти у каждого в чемодане припрятана история о другом берегу, это было чем-то обнадеживающим. Европейский налёт показался обещанием лёгкости и комфортного общения, хотя это ещё предстояло выяснить. Мы не стали загружать друг друга вопросами, оставив их для живого свидания. Обменялись парой коротких сообщений и договорились увидеться уже следующим вечером.

А утром позвонил дядя моего зятя.

— Вы в Окленде? Тогда сегодня жду вас к обеду. Без вариантов.

Отказаться было невозможно — и мы поехали.

Путь к его загородному дому оказался непростым. Серпантин с крутыми поворотами и резкими перепадами высоты делал поездку не только живописной, но и утомительной. Машину мотало из стороны в сторону, уши закладывало, в висках стучало. Я смотрела в окно и на каждом вираже отчаянно надеялась, что меня не стошнит прямо в новое автозвездие.

После очередного поворота машина вынырнула на вершину — и дыхание перехватило. У всех почти одновременно вырвалось восхищённое:

— Вау!

Дом, в который мы направлялись, стоял на холме. А за ним — океан. Не просто вода, а огромная, живая синь с тающим в серебристом мареве горизонтом. От такой красоты все мучения дороги мгновенно забылись.

Хозяин уже был на крыльце. Ничего не изменилось: та же широкая улыбка, те же лукавые глаза.

— Ну здравствуй, красавица, — сказал он, первым делом обращаясь ко мне, и заключил в крепкие объятия. — Сколько лет, сколько зим! Когда прилетела?

Он так же тепло поздоровался с остальными, и мы прошли через дом на огромную открытую веранду. Там уже был накрыт стол, за которым сидела пара его друзей. Вид, открывшийся нам, был настолько захватывающим, что сразу становилось понятно: именно он — главная ценность и ис-

тинное сокровище этого места. Мягкие линии холмов и простор океана притягивали взгляд куда сильнее содержимого тарелок. Обед оказался простым до предела — без всяких кулинарных претензий, почти по-деревенски незатейливым. Впрочем, в тот момент это казалось уместным: с такой панорамой любая, даже самая изысканная еда всё равно осталась бы в проигрыше.

Пока остальные разговаривали, я ловила себя на том, что, любуясь пейзажем, невольно прикидываю в уме цену этого места. Дом выглядел заметно обветшалым, местами даже запущенным, но было очевидно, что стоит он астрономическую сумму. Однако хозяин не собирался ни продавать его, ни всерьёз заниматься ремонтом. Его всё вполне устраивало.

После обеда дядя решил показать нам участок и повел меня чуть впереди остальных.

— Видишь ли, — признался он с лукавой улыбкой, шагая рядом, — у этого дома характер. Он, как и я, прилично потрепанный, — он похлопал по облупленной стене, и старая краска посыпалась, — но всё равно стоит целое состояние! И, заметь, — чуть наклонившись к моему плечу, добавил, — мы оба с возрастом только набираем в цене.

— Тогда тебе пора на аукцион, — ответила я.

Он рассмеялся и жестом пригласил всех пройти в гараж. Его ладонь уверенно легла мне на спину. Я напряглась. Он будто почувствовал это и убрал руку.

— Ты что, только что вытер об меня руку? — я обернулась

и приподняла бровь.

— Ни в коем случае, — тут же отозвался он, немного растерянно глядя на свои ладони.

— Смотри, не увлекайся, — усмехнулась я, — а то так и размажешь всю свою ценность по спинам гостей.

Он снова рассмеялся, на этот раз громче и с явным азартом в глазах. А я не стала развивать тему. День был слишком хорош, чтобы портить его излишней серьёзностью.

Гараж оказался не просто местом для машин, а чем-то вроде личного музея. Дядя был не просто любителем автомобилей — в прошлом он был настоящим гонщиком и участвовал в австралийских и новозеландских соревнованиях. Его гоночная карьера включала участие в престижных сериях, таких как «Формула-5000», невероятно популярных в семидесятых годах по обе стороны Тасманова моря.

Мы устроились рядом с автомобилями и разговор, ожидаемо свернул к трекам. Глаза дяди светились, когда он с восхищением вспоминал трассы, годы, машины и гонщиков.

— Вот здесь я их всех сделал на последнем круге... А этот парень потом стал чемпионом мира. А я... — он усмехнулся и почти про себя добавил: — Я ж на Макларенов тогда работал. Мои родители с Брюсом на одной улице жили...

Так я и узнала, что легенда гоночной империи выросла здесь, в Окленде. Мировая история автоспорта вдруг обрела конкретный адрес, а я через дядю своего зятя оказалась всего в одном рукопожатии от её создателя.

Муж дочери послушно кивал в такт рассказу. Для него эти откровения не были новостью, да и от автоспорта он был далёк, но, как истинный новозеландец, самоотверженно сохранял на лице выражение искренней вовлечённости. Мы с дочкой наблюдали за ними со стороны и тихо посмеивались. зять героически делал вид, что слышит о великом Брюсе Макларене впервые в жизни.

Мне говорили, что теперь дядя увлётся гольфом — занятием, подобающим его возрасту и положению. И всё же страсть к адреналину никуда не исчезла. Живя вдали от городской суеты, он по-прежнему устраивал заезды по извилистым серпантинам. Крутые виражи и захватывающие виды позволяли ему раз за разом проживать былые гоночные дни.

После болезни и смерти жены дядя коренным образом пересмотрел свои взгляды на уединение, быстро заработав репутацию главного ловеласа округа. Он не отказывал себе в обществе женщин самого разного, порой весьма интригующего возраста, а его дом со временем превратился в эпицентр шумных вечеринок. Особенно прославились «рождественские встречи»: на них съезжались друзья и родственники со всех уголков страны. Внуки, племянники, кузены — все знали: здесь будет весело и всегда слегка «чересчур».

Впервые мы встретились несколько лет назад на свадьбе моей дочери. Весь вечер он работал моим персональным спутником: вовремя подлитый шампанское, байки из его героического гоночного прошлого и взгляд, который задержи-

вался на мне чуть дольше, чем того требовал этикет и звание новоиспеченного родственника.

— Если бы я был моложе... — начинал он тогда несколько раз, но на самом интересном месте благоразумно обрывал фразу.

Сегодня история пошла на новый круг.

— Если бы я был моложе, — тихо произнёс он, когда мы оказались вдвоём у одной из машин, блестящей полированным боком в лучах заходящего солнца.

Я посмотрела на него со всей серьёзностью, на которую была способна после пары бокалов праздничного игристого:

— Послушай, моложе ты или нет, но технически мы теперь почти родственники. А я, знаешь ли, принципиально против инцеста.

Дядя на мгновение впал в замешательство, и мне пришлось пояснить:

— Ну, а что? Вдруг у нас появятся дети... Куда нам столько наследственных сложностей?

Он опять расхохотался, щедро демонстрируя безупречную белизну своей улыбки — явно не из тех, что достаются по наследству.

В разговорах и шутках время пролетело незаметно. Когда вечер окончательно вступил в свои права, мы откланялись и отправились домой.

Глава 4

Почти всю обратную дорогу я смотрела в окно на пейзажи и ловила себя на мысли: новозеландские мужчины удивительным образом не стареют. Во всяком случае, внутренне. Они остаются галантными, подтянутыми. И, что особенно заметно, интерес к женщинам они сохраняют так же естественно, как хороший аппетит к жизни.

Я думала о сегодняшнем хозяине дома, о его лукавой улыбке и фразе, которую он так любил начинать:

— Если бы я был моложе...

И вдруг поймала себя на неожиданной мысли: а что если бы тогда, на свадьбе дочери, я ответила ему взаимностью? Как могла бы сложиться наша жизнь?

Я вспомнила фотографии с той свадьбы. Забавно, но на многих снимках он оказывался рядом. Тогда я не придавала этому значения. Но позже они будто ненавязчиво напоминали мне о его существовании. И о его очевидной симпатии. Но не более того.

И теперь, глядя в окно автомобиля, я вдруг стала размышлять: почему же я тогда даже не допустила мысли о том, чтобы ответить ему? Ведь он всегда был интересным мужчиной — умным, уверенным, с тем редким чувством юмора, которое делает разговор лёгким. К тому же в нём чувствовалась спокойная мужская энергия, которая, как теперь вы-

яснилось, с возрастом не исчезает, а, наоборот, становится только заметнее.

И всё же в тот день я словно автоматически поставила между нами невидимую границу. Возможно, потому что он был частью семейного круга, к тому же намного меня старше. Возможно, потому что тогда я ещё жила другой жизнью, в которой для подобных историй просто не оставалось места.

А может быть, дело было в чём-то ещё — в интуитивном ощущении, что некоторые симпатии лучше оставить именно такими: лёгкими, недосказанными, почти шутливыми. Иногда именно благодаря этому они и сохраняются так долго.

И всё же мысль была любопытной. Какой могла бы быть жизнь, если бы тогда, на свадьбе, я просто улыбнулась чуть иначе и сказала:

— Ну хорошо. Допустим, ты моложе. И что дальше?

И тут же в голове всплыло другое лицо — вернее, фотография. Тот самый мужчина с Пизанской башней, картинно подпирающий её плечом на своём профиле. Кстати, сколько ему было лет? Я попыталась вспомнить. Он точно указывал возраст? Или я просто мельком посмотрела и решила, что это не так уж важно?

На сайтах знакомств возраст часто такая же переменная величина, как и рост. Вдруг он соврал? Или, наоборот, оказался тем редким экземпляром, что пишет правду, не пытается скинуть себе пяток лет для привлечения аудитории?

Я вздохнула. А ведь мне ещё предстояло ехать на встречу

с этим интернет-незнакомцем...

Ещё утром мысли об этом казались почти авантюрными и даже привлекательными, но теперь вдруг показались утомительными. Обратная дорога словно выжала из меня последние силы. Хотелось только одного — тишины, тёплого душа и возможности никуда больше не ехать.

В этот момент телефон тихо мигнул. Незнакомец из интернета спрашивал, как у меня дела. Я смотрела на экран несколько секунд, решая, хочу ли я сегодня продолжения этой истории. Потом быстро набрала текст:

— Сегодня не получится. Занята. Перенесем на завтра?

Отправила сообщение и откинулась на спинку сиденья. Ответ пришел почти мгновенно. Было очевидно, что он ждал.

— Несколько следующих дней не получится. У меня рейсы.

Что за рейсы? О чём это он?

— Летишь в отпуск? — осторожно спросила я.

— Хотелось бы... но отпуск не скоро. Нет, это работа.

— Что за работа?

— Я лётчик.

Я застыла. Лётчик? Серьёзно? Мог бы просто сказать, что занят. Зачем такое придумывать? На всякий случай перечитала нашу переписку и заглянула на его страницу на сайте. Там не было ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть его слова — ни облаков, ни формы, ни штурвала

— никакого намёка на профессию. Странно.

Любопытство разгорелось. А он замолчал. Я доехала до дома и уже собиралась лечь спать, когда он написал:

— Можно позвонить?

В груди что-то ёкнуло.

— Конечно.

Его голос оказался в меру низким, немного хриловатым, но спокойным и уверенным.

— Расскажи, как прошёл день, — попросил он.

Я рассказала про серпантин, про дядю и его машины. Он слушал, иногда посмеивался. Потом заговорил сам:

— Купил недавно ферму. Занимаюсь строительством. Дети уже взрослые — студенты. С женой давно разошлись. Ну и... летаю.

— Фермер, строитель и пилот? — переспросила я с долей скепсиса. — Ты решил освоить все мужские профессии из детских книжек сразу?

Он усмехнулся.

— Жизнь длинная. Надо успевать по нескольким фронтам.

Я замолчала, пытаясь собрать эту картину воедино. Такое сочетание казалось невероятным.

— А летаешь ты за кого? Ну, в смысле... работаешь на итальянцев?

— Почему на итальянцев? — в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

Глядя в экран, я чувствовала, как мои фантазии об «итальянском атланте» осыпаются мелкой крошкой — так же активно, как раритетная штукатурка в доме у дяди.

— Я в основном летаю в нашем регионе: Австралия, острова Океании. Но бывают и в Азию полёты, и в Европу.

— Значит, ты местный?

— Да, а в чём сомнения? — он коротко посмеялся. — Сделан в Новой Зеландии.

Мы продолжили разговор и, чем больше подробностей я узнавала, тем сильнее росло моё любопытство — уже вместе с тихим восхищением. Этот реальный масштаб впечатлял куда больше, чем подпирание башен в отпуске.

Я ответила на его вопросы, и он заметно оживился, узнав, что я бывала в Новой Зеландии раньше. Шутя заявил, что ему точно можно доверять, и предложил обменяться страницами в социальных сетях. Открыл мою прямо во время нашего разговора и через минуту вынес вердикт: ему нравится всё — мой стиль, внешность... и вообще.

На этой лёгкой ноте мы договорились встретиться после его возвращения из рейса.

— Кстати, а где ты живёшь? В каком районе? — спохватился он.

— В западном Окленде.

— Ох... — он протяжно вздохнул. — Это часа полтора езды от моего дома. И то, если без пробок. Моя ферма на юге.

Я уже знала, что расстояния в Окленде — это настоящее испытание. Пробки, непомерно высокие цены на такси и отсутствие у меня машины заметно усложняли любую встречу. Чтобы упростить задачу, я предложила пересечься в центре: мы с дочерью скоро планируем встречу с друзьями на Виадакте, и он мог бы к нам присоединиться.

— Да, давай так и сделаем.

Мы попрощались. Я сидела на своей кровати, глядя на погасший экран. В груди смешалось лёгкое волнение, усталость от насыщенного дня и какое-то странное, почти забытое предвкушение. Его голос, его уверенность и какая-то загадка, которая звучала между строк... Всё это тянуло меня к будущей встрече.

Глава 5

В Окленде хватает прекрасных ресторанов и кафе, но прибрежные — это, несомненно, отдельная категория. Их изысканное меню всегда идёт в комплекте с видом на океан и стройными рядами пришвартованных яхт.

Мы с дочерью и двумя подругами — одна из них тоже прилетела погостить в Новую Зеландию — встретились на набережной залива Видакт. Этот район построили в девяностых специально к мировой регате, и с тех пор он превратился в одно из самых живых и стильных мест Окленда: стекло, бетон, яхтенная марина, дорогие апартаменты и рестораны на любой вкус и кошелёк. А ещё — морской воздух, постоянное движение, ощущение, что ты в центре чего-то делового и важного.

Мы выбрали двухэтажный ресторан с панорамными окнами, за которыми лениво покачивалась вода. Негромкая музыка, уверенная публика и та самая безупречная подача, при которой даже хлеб на тарелке выглядит как произведение искусства. Люди вокруг излучали спокойный достаток — они пришли сюда не просто поужинать, а лишний раз подтвердить себе и миру: «Всё в порядке, я на своём месте».

Расположившись вчетвером за круглым столиком, мы чувствовали себя заговорщицами, заброшенными в эпицентр чужих историй. Уютный зал дышал приглушёнными

голосами, лёд мелодично звенел о стекло, а мягкий свет скользил по лицам, превращая каждого гостя в набросок к ещё не написанному роману.

Взгляды сами собой тянулись к барной стойке — главной сцене этого вечера.

— Этот точно кого-то ждёт, — шёпотом комментировала одна из нас. — Слишком часто проверяет часы для человека, который просто любит виски.

— А этот просто прячется... И, судя по всему, от самого себя, — отзывалась другая.

Мы следили за ними украдкой, разбрасываясь версиями, как гадальными картами. Кто-то коротал вечер в гордом одиночестве, кто-то явно рассчитывал на свидание всей жизни. Мы азартно гадали, кем окажутся их спутники: старыми друзьями, новыми любовниками, нелепыми случайностями или самой судьбой. И даже — мужчинами или женщинами. В Новой Зеландии однополые пары давно стали обыденностью, что только добавляло нашим играм остроты и вариантов.

Первый бокал игристого — и невидимые границы начали таять. Мы смеялись над чем-то совершенно пустяковым, просто оттого, что пузырьки в бокале казались ужасно весёлыми, воздух за огромными стёклами — неприлично свежим, а музыка внутри — вызывающе уместной.

Ира, как всегда, была в ударе. Она щедро делилась свежими сводками с фронтов интернет-знакомств — историями настолько абсурдными, что временами мы терялись: смеять-

ся или сочувствовать.

— Сразу выставляю им райдер, как рок-звезда: я прихожу на шпильках и с укладкой, а ты платишь за всё, что мы выпьем, — заявляла она, и в её глазах плясали чёртики.

Ей явно доставляло удовольствие с ходу выбивать кандидатов из зоны комфорта, проверяя их нервную систему на прочность ещё до первого «привет». Такой прямолинейный подход, работающий по принципу естественного отбора, многих мужчин вгонял в ступор. Одни испарялись мгновенно, другие — из чистого спортивного любопытства — всё же назначали встречу. Но и те в самый ответственный момент находили способ ловко раствориться.

Мы хохотали, представляя этого незадачливого беглеца. Видакт продолжал шуметь, искриться и обещать, что наш вечер, в отличие от Ириных свиданий, точно не закончится исчезновением главного героя.

— Представляете? Сказал «сейчас закажу нам выпить» — и всё, конец связи, — возмущалась Ира с видом оскорблённой королевы.

В этот момент к нашему столу подошёл элегантный официант средних лет и аккуратно поставил перед нами тяжёлое серебряное блюдо. Чуть отступив, он позволил нам рассмотреть подачу. На ледяной подушке поблёскивали перламурром раскрытые раковины, окружённые лимонными дольками и пиалами с соусом.

— «Голубой жемчуг» из залива Хаураки, — прошептал

он, словно посвящая нас в масонский заговор. — Выловили всего час назад. Вода там богатая, много света... Вкус — чистая морская нота со сладким послевкусием.

Мы невольно залюбовались блюдом, а он, словно открывая секрет, наклонился ближе:

— Добавьте лимон, но буквально каплю. Иначе услышите лимон, а не океан.

Я присмотрелась к нему внимательнее. В Новой Зеландии зарплата почасовая, поэтому разговорчивый официант — это либо аномалия, либо сам владелец заведения. Но нет... В этот момент мужчина заметно сглотнул. На его тонкой шее дрогнул кадык, и я поняла: человек искренне любит устрицы, а его организм прямо сейчас мучительно напоминает ему, что всё это великолепие предназначено не ему.

Ана приступила к устрицам первой. Она легко подхватила раковину, выжала немного лимона и, не суетясь, поднесла к губам. Движения были почти отточенными. На секунду она задержалась, словно прислушиваясь к своим ощущениям, и затем так же спокойно позволила устрице соскользнуть. Даже выражение лица осталось невозмутимым — лишь лёгкая, едва заметная улыбка выдавала удовольствие.

— Профессионалка моя, а я всё никак к ним не привыкну.

Я последовала её примеру. Во всяком случае, постаралась. Взяла раковину чуть осторожнее, чем следовало, словно она могла выскользнуть или повести себя непредсказуемо. Слишком старательно выжала лимон. Поднесла к губам

и на мгновение замерла, понимая, что одного наблюдения недостаточно — нужен опыт.

С первого раза элегантно сглотнуть устрицу у меня не получилось. Я неловко сделала несколько жевательных движений и только потом проглотила.

Вкус мне действительно понравился. Официант был прав: устрицы таяли во рту, оставляя чистое послевкусие океана.

— Так он ушёл к бару за выпивкой и просто испарился? — мы вернулись к Ириным приключениям.

— Мужчины, которые настроены серьёзно, часто обходят туристок стороной, — заметила я. — Мы для них слишком временные. Просто гости. Красивый эпизод, который не требует продолжения.

В Новой Зеландии наша внешность — это экзотика: престижно, любопытно, ярко. Знакомятся охотно, но решиться на что-то большее готовы единицы. Иностранка — это всегда визы, расстояния, переезды, чужая жизнь, которую нужно встраивать в свою. Не каждый на такое подписывается.

— Другой человек — это всегда другой мир, — философски заметила Ира, разглядывая пузырьки в бокале.

— А если он ещё и противоположного пола, и иностранец — считай, другая галактика, — добавила Ана. — По своему опыту знаю: мы с мужем до сих пор не перестаём друг друга удивлять. Не зря же говорят, что мы с разных планет — женщины с Венеры, мужчины с Марса.

— Тогда за межгалактические путешествия! — подхвати-

ли все дружно и подняли бокалы, будто за встречу с настоящими пришельцами.

Я усмехнулась:

— Кстати, мой «пришелец» — откуда он там на меня свалился? С Пизанской башни? Так вот, он уже пожаловался, что живу от него слишком далеко. Боюсь, сюда тоже не рискнёт приехать.

В этот момент телефон завибрировал. На экране появилось слово: «Прибыл». Я подняла глаза на притихших по-друг.

— Кажется... всё-таки рискнул.

Внезапно вечер перестал быть просто весёлым девичником и начал обещать что-то большее.

«Иду», — быстро набрала я и встала из-за стола. Мне захотелось первой взглянуть на этого «инопланетянина», прежде чем впускать его в наш шумный и немного подвыпивший женский круг.

Глава 6

Я осторожно шла вниз, крепко держась за перила винтовой лестницы. После бокала игристого эти изящные ступеньки казались особенно коварными и словно норовили выскользнуть из-под моих каблуков.

Фантазия тут же услужливо подбросила сцену: я эффектно теряю равновесие, лечу вниз, пересчитывая ступеньки всеми возможными способами, и в финале приземляюсь прямо в руки лётчику. Почти цирковой номер — не хватает только аплодисментов. В реальности за подобные эффекты обычно платят переломами, а не романтикой. Мысль была настолько трезвой, что я даже притормозила. Взгляд скользнул на туфли — и они неожиданно потянули за собой воспоминание.

Один вечер, одно свидание. И, как ни странно, снова этот самый Видакт.

Мы познакомились в сети ещё до моего переезда. Пара лёгких сообщений — ничего обязывающего, но достаточно, чтобы оставить след в памяти. Когда я обмолвилась, что скоро буду в Окленде, он тут же позвал на кофе.

Когда я прилетела, а Гита постепенно успокоилась, мы снова списались и уточнили детали. В назначенный день я нарядилась и со спокойствием человека, который ещё не подозревает, что пополняет свою коллекцию странных исто-

рий, ждала финального подтверждения.

Время шло. Тишина затягивалась. Наконец телефон ожил: «Хочу сказать тебе одну вещь. А ты сама решишь, встречаться нам или нет».

Внутри всё нехорошо сжалось.

«Что именно? Говори...» — набрала я, пока мозг услужливо подбрасывал стандартный набор катастроф: женат, пятеро детей, скрывается от полиции...

Тут же раздался звонок, и я услышала усталый, слегка высоковатый для мужчины голос:

— У меня нет ноги, — произнёс он буднично, как сообщают о забытом дома зонтике.

Я замерла. Мозг отказывался обрабатывать информацию. Нет ноги? Одной? Обеих? Как это вообще встраивается в концепцию похода на кофе?

— То есть... ты не придёшь? — ляпнула я первую глупость, которая пришла в голову.

Слова повисли в воздухе, нелепые и тяжёлые. Он замолчал — видимо, переваривая масштаб моей «чуткости», а потом тихо рассмеялся:

— Приду, если ты не передумаешь. Просто решил, что честнее сказать сейчас. Я пойму, если ты не захочешь...

Теперь молчала уже я. В голове, как в испорченном проекторе, замигали кадры из кино: искалеченный ветеран Вьетнама из фильма с Томом Крузом — измученный, злой, сломленный войной. Или богатый аристократ Филипп, прикован-

ный к инвалидному креслу, ироничный, с сиделкой из гетто. Экранные образы никак не желали стыковаться с реальностью Видакта.

— Я пойму, если ты отменишь встречу, — повторил он, принимая мою паузу за тактичный отказ.

— Нет, почему же... — наконец выдавила я, стараясь вернуть голосу прежнюю уверенность. — Мы ведь уже договорились. Думаю, нам стоит увидеться.

Хотя в тот момент я сама не знала, кого пытаюсь убедить больше — его или себя.

Дочь, выкроив окно в своём плотном графике, взялась меня подвезти. Я чувствовала острую неловкость: дорога была неблизкая, и осознание того, что ей придётся мотаться туда-обратно ради сомнительного эксперимента, не добавляло мне радости. Ехали молча. В салоне повисло тяжёлое понимание: скорее всего, это будет свидание на один раз. Когда эмоциональная связь ещё не успела проклюнуться, а на тебя вываливают такие новости, энтузиазм сдувается быстрее, чем одуванчик на океанском ветру.

Написала ему, что подъехала. В глубине души надеялась: вдруг передумает, застрянет в пробке, разглядит мои фото и испугается. Но ответ пришёл мгновенно:

«Ты в красной машине? Вижу. Переходи дорогу, я тебя встречу».

Не глядя в его сторону, я потянулась за сумкой. Дочь, гля-

дя в окно в этот момент, спросила:

— Мам, а он... как он выглядит? Он что, чёрный?

— Не знаю, — ответила я честно. — Теперь я вообще ни в чём не уверена.

Я действительно плохо представляла, как он выглядит. В голове мелькали те же киношные образы: ветеран на костылях, человек в кресле, а теперь и новая, совсем уж абсурдная версия — здоровый темнокожий парень, вдруг поменялся ролями со своим парализованным боссом и теперь уже тот везёт его ко мне на встречу. Это был какой-то малобюджетный ремейк знаменитого фильма, где я зачем-то согласилась на главную роль, даже не прочитав сценарий до конца.

С этими мыслями я медленно переходила дорогу, сканируя лица прохожих. Кроме отсутствия ноги, я ведь о нём ничего не знала. В сети он звался Энрике, а теперь выяснилась еще одна деталь — он темнокожий. Я искренне удивлялась собственной невнимательности: как можно было пропустить в профиле такую «незначительную» деталь?

Внезапно взгляд зацепился за высокого темнокожего парня, прислонившегося к перилам. В голове мгновенно щёлкнуло: «Он!». Правда, выглядел он подозрительно молодо. «Неужели на сайте он использовал чужое фото?» — пронеслось в мыслях.

Решив, что терять уже нечего, я решительно сменила траекторию и направилась прямо к нему. Будь что будет. Парень поймал мой взгляд, выпрямился и ослепительно улыб-

нулся. На секунду между нами возникло то самое электричество узнавания. Я уже собиралась выдать своё самое непридуманное «Привет», как вдруг он поднял руку... и радостно помахал кому-то у меня за спиной.

Я машинально обернулась. К нему быстрым шагом шла девушка с огромным стаканом кофе. Я окончательно растерялась. И в этот момент из пёстрой толпы выделилась фигура. Я сразу заметила протез, и все мои киношные образы лопнули, как дешёвый мыльный пузырь.

Передо мной стоял живой человек: среднего роста, с приятным лицом и правильными, какими-то очень гармоничными чертами. Тёплая кожа, густые тёмные волосы... Латиноамериканец? Метис? Южноевропейец? В нём смешалось столько всего, что эта неопределённость делала его неожиданно притягательным.

— Елена, привет! Я Энрике, — сказал он. И, не дожидаясь формального разрешения, легко обнял меня и поцеловал в щёку. Его уверенность обезоруживала.

— Приве-ет... — как-то предательски слащаво протянула я, ругая себя за это.

Не смея опустить взгляд ниже пояса, я с каким-то почти научным интересом рассматривала его лицо. Он был действительно хорош собой: отличная улыбка, открытый взгляд...

— Как ты? Дочка паркуется или уехала?

Что я делаю? — одёрнула я себя. — Не буду же я весь ве-

чер сверлить его глазами, как под микроскопом. Я выдохнула и заставила себя расслабиться. Вернее, попыталась: лицо — приятное, улыбка — отличная... Но вот одежда...

У мужчин Новой Зеландии есть своя негласная униформа: шорты, сланцы и вязаная шапка. Комплект на все времена. В холода к этому ансамблю добавляется пуховик — как компромисс с климатом, но не с принципами. Брюки же существуют исключительно для торжественных случаев: свадеб, похорон и, возможно, аудиенции у королевы.

Свято чтя местные традиции и как бы намекая, что я не принадлежу к династии, на свидание со мной Энрике пришёл в майке и коротких клетчатых шортах. Словно решил с ходу расставить все акценты.

— Я припарковался вон там, — он кивнул мне за спину. — Думал, придётся делать ещё один круг. В этом месте с парковкой вечная беда.

Интересно... а брюки для протеза выбирают как-то специально? — я всё ещё мысленно разбиралась с его ногой.

Я знала, что в Новой Зеландии комфорт ценят выше впечатления, но мой внутренний голос, воспитанный на условностях, всё равно метался в поисках логики: может, другой фасон штанов стеснял бы его движения? Или шорты — это способ сразу заявить: «Вот он я, принимай как есть»?

— Пойдём прогуляемся, — сказал он и, не дожидаясь ответа, крепко взял меня за руку.

Я посмотрела на свои сияющие стразами шпильки, на его

протез, на вымощенную блестящим камнем мостовую. Зачем я их надела? Ведь знала же... — я мысленно вручила себе торжественную премию «Гений года» и приготовилась к худшему.

Мы больше часа кружили по набережной, и со стороны наш поход, наверное, напоминал странную смесь сальсы и кизомбы — с ломаным ритмом, неожиданными паузами и совершенно вольной трактовкой движений. В этом дуэте Энрике, как истинный латиноамериканец, отвечал за врожденную грацию, которая, кажется, была вшита в него на уровне костного мозга и совершенно не зависела от того, из чего сделана его нога — из плоти или из титана.

Мы больше часа кружили по набережной. И мне самой наш променад напоминал причудливую смесь сальсы и кизомбы — с ломаным ритмом, внезапными паузами и совершенно вольной трактовкой движений. В этом дуэте Энрике, как истинный латиноамериканец, отвечал за врожденную грацию. Казалось, она была вшита в него на уровне костного мозга и совершенно не зависела от того, из чего сделана его нога — из плоти или из титана.

Я же на своих шпильках была крайне нестабильна и предательски скользила по гладким камням мостовой. Но Энрике подхватывал меня чуть раньше, чем я успевала испугаться, и в этом заключалась главная ирония вечера: в нашем тандеме именно человек на протезе оказался самой надёжной точкой опоры. Пока я на своих двух ногах пыталась со-

владать с гравитацией и собственным смущением, он просто шёл вперёд, ведя меня за собой.

Когда мы наконец нагулялись и присели в одном из кафе, Энрике рассказал мне свою историю. О жизни, о пути, который привёл его из Южной Америки сюда, на край света. Я слушала и понимала: эту историю можно было бы напечатать и продать как бестселлер — без единой правки, просто как есть. В ней было столько преодоления и спокойного достоинства, что мои собственные сомнения на этом фоне казались просто нелепыми опечатками.

А позже он сам отвёз меня домой, так что мне даже не пришлось беспокоить дочь. И если быть честной... в целом всё оказалось не так уж плохо.

Глава 7

Погружённая в воспоминания, я спускалась по лестнице, всё ещё глядя на свои туфли, и думала: как пройдёт знакомство с человеком, привыкшим смотреть на мир с высоты облаков, а не каблучков?

Внизу царила тёплая, почти камерная атмосфера: приглушённый свет, мягкий гул голосов, тихое позвякивание посуды и спокойная музыка. И посреди всего этого великолепия стоял он.

Никакой фуражки, золотых нашивок или парадного кителя, который уже успело нарисовать моё богатое на спецэффекты воображение. С высоты ступенек я видела статного мужчину, подозрительно похожего на ковбоя, только что припарковавшего свой «мустанг» за углом. Джинсы сидели на нём так безупречно, словно их кроили по чертежам НАСА, а ремень с простой пряжкой и старомодные туфли с длинными носами окончательно сбивали меня с толку.

Так лётчик или всё-таки фермер? — мелькнула мысль.

Он смотрел на меня, едва заметно улыбаясь, и в этом взгляде читалось мягкое, но осязаемое нетерпение. Его глаза подгоняли меня, сокращая расстояние быстрее, чем это делали мои ноги. Он явно не понимал, на кого списывать эту задержку, и тут его взгляд замер на моих сияющих стразами туфлях. В полумраке зала при каждом шаге они вспыхивали

как россыпь звёзд на ночном фюзеляже.

Я почти физически почувствовала столкновение двух разных миров. Он — крупный, статный, прочно стоящий на земле обеими подошвами своих «ковбойских» ботинок — явно не ожидал, что женщина с сайта знакомств материализуется в столь непрактичном, «неземном» виде. В его прищуре читалось: «Как на этом вообще можно ходить?» Казалось, у него был длинный список претензий к этим коварным шпилькам, которые так бесцеремонно крали у него минуты нашего вечера.

— Привет, — сказала я, и голос прозвучал чуть выше, чем хотелось. — Я Елена.

— Вильям. Вильям Смит.

Мы обменялись рукопожатием. Его ладонь оказалась крупной и тёплой, с лёгкой шершавостью. Я тут же нашла этому объяснение: его руки привыкли держать штурвал или инструмент. Эта простая мысль неожиданно вызвала во мне приятное волнение — словно я коснулась чего-то настоящего, без лишней отделки.

Его пальцы держали мою руку чуть дольше и крепче, чем требовали приличия. Мы изучающе смотрели друг на друга. Его глаза были тёмными, с тёплыми искрами, как угли, в которых ещё прячется огонь. Я не отводила взгляд, и он тоже. В этом молчании было слишком много обещаний, от которых во рту мгновенно стало сухо. Похоже, оба остались довольны увиденным, обнаружив друг в друге больше интри-

гующих деталей, чем обещал сайт знакомств.

Я кивнула в сторону лестницы:

— Пойдём наверх? Там мои... подруги. И дочь.

Он пошёл за мной без вопросов. Пока мы поднимались, я думала, какая всё-таки удивительная штука жизнь: ещё пять минут назад я спускалась вниз, перебирая в голове совсем другие воспоминания о совсем другом свидании, а теперь возвращаюсь обратно, затылком чувствуя его дыхание — уверенное, спокойное и дразняще близкое.

Это присутствие вызывало во мне почти забытое чувство, когда в одно и то же время тебе хочется и расправить плечи от внезапной защиты, и зажмуриться от высоты. И самое ироничное — я была совершенно не против. В этом новом ощущении было слишком много предчувствий, от которых внутри становилось легко и немного щекотно, словно я решилась на прыжок, даже не поинтересовавшись, где именно лежит парашют.

Интересно, какую карту вытянут девочки теперь? Ведь ещё недавно мы азартно гадали на чужие судьбы, а теперь я сама веду к нашему столику «случайность», которая подозрительно сильно напоминает судьбу.

Он присел за наш столик. Крупная, плечистая фигура Вильяма и его открытая, доброжелательная улыбка сразу расположили к себе. Мы немного поговорили о погоде, о городе и о том, какими странными маршрутами иногда водит нас жизнь. Подруги наблюдали за ним с нескрываемым лю-

бопытством — так смотрят на редкую птицу, прилетевшую невесть откуда в их привычный сад.

— Так... вы сказали, где познакомились? — неожиданно спросила Ира, глядя на него сквозь золотистые пузырьки своего бокала.

— С Еленой? Случайно, — Вильям улыбнулся чуть шире, не выказывая ни тени смущения.

— Случайно? — переспросила Ира. — Это сейчас так называют сайты знакомств?

Он посмотрел на неё внимательнее, будто оценивая силу подачи, но промолчал.

— Любопытно, — не отступала Ира. — Я всё думаю: как я могла вас там пропустить?

— Значит, мне повезло остаться незамеченным для всех, кроме Елены, — невозмутимо ответил он, глядя прямо на меня.

Ира фыркнула и, решив, что этот раунд остался за ним, демонстративно перевела взгляд на барную стойку.

— Мы слышали, вы лётчик. И на какую авиакомпанию вы работаете? — прямо спросила Оля. Я сама невольно прислушалась. В нашем первом разговоре он ни разу об этом не упомянул. Для меня он, так же как и для девочек, оставался загадкой в «ковбойских» ботинках, которую я только начала разгадывать.

Вильям ответил не сразу. Он смотрел на моих подруг спокойно и открыто, казалось, совершенно не пытаясь произве-

сти впечатление, и именно это подкупало больше всего.

— Air New Zealand, — коротко ответил он.

По столу пронёсся тихий вздох одобрения. Девочки переглянулись — ответ был более чем солидным. Этот человек явно знал себе цену, но не размахивал ею, как флагом. Ира на секунду сменила скепсис на живой интерес, но тут же спохватилась и снова приняла независимый вид.

Мы обменялись ещё парой дежурных фраз, но разговор не клеился. В этом шумном, заполненном людьми и духами пространстве нам двоим стало окончательно тесно. Вильям слегка наклонился ко мне и, понизив голос до той частоты, от которой внутри всё снова замерло, спросил:

— Может, уедем отсюда в другое место? Только ты и я.

— Хорошо, — ответила я, не раздумывая.

В этот момент стало ясно: светская часть вечера окончена. Настоящая история только начинается.

Глава 8

Мы выехали из делового центра Окленда и влились в поток скоростной магистрали. За окном потянулась изнанка города — всё то, что обычно не попадает на страницы туристических буклетов: угрюмые склады, стройки и пустыри, заросшие травой в меланхоличном ожидании лучших времён.

В какой-то момент этот индустриальный пейзаж сдался под натиском благополучия, и картина за стеклом сменилась декорациями «дорогой жизни». Роскошные рестораны, пабы и особняки с неприличным количеством нулей в ценнике потянулись по одну сторону дороги, а бескрайняя ртуть Тихого океана оттеняла всё это великолепии с другой.

Солнце, вопреки позднему часу, упорно отказывалось тонуть, превращая воду в искрящееся полотно из миллионов бликов. Вильям вёл машину с небрежным изяществом, которое выдавало в нём человека, привыкшего управлять чем-то потяжелее седана. Рассказывая о местных достопримечательностях, он то и дело сканировал мою реакцию короткими взглядами — словно опытный гид, лично проверяющий, производит ли Новая Зеландия на меня должное впечатление.

— Когда я увидела твою фотографию на фоне Пизанской башни, — сказала я, улыбаясь, — подумала, что ты италья-

нец.

Он рассмеялся без капли притворства.

— Нет, не итальянец. Просто люблю менять широты. Та фотография... она из круиза по Средиземному морю.

— Круиз? — я с неподдельным интересом поймала его взгляд. — И как ощущения? Тебе понравилось?

— Знаешь, — он на мгновение замолчал, сосредоточенно глядя на дорогу, — такие путешествия определённо созданы для двоих. Там слишком много моментов, которые просто больно проживать в одиночку.

Он мельком посмотрел на меня:

— Ты когда-нибудь была в круизе?

— Нет, — ответила я, понимая, что мысленно уже согласна с каждым его словом. Круизы всегда казались мне историей для тех, кто едет не столько посмотреть мир, сколько делить его пополам.

Он слегка усмехнулся:

— Это было... странно, — продолжил он, легко обгоняя ползущую впереди малолитражку. — Вокруг все парами. Куда ни посмотри — все везде вдвоём... а я один.

— Один. Совсем один, — произнесла я жалобным тоном, невольно вспомнив старый анекдот и, конечно, не надеясь на ответную улыбку.

— Да, — подтвердил он, совершенно не уловив иронии.

Какое-то время он молчал, и я невольно представила его на палубе — рослого, плечистого одинокого мужчину со ста-

каном сока в руке. Картинка была трогательной, хотя, честно говоря, поверить в неё было трудно: такие мужчины редко остаются в одиночестве надолго, если только сами не возводят вокруг себя крепостные стены.

— Почему ты поехал один? — спросила я, стараясь, чтобы это не прозвучало как допрос с пристрастием. — Тогда никого не было рядом?

Вильям посмотрел на меня так, будто мой вопрос застал его врасплох или сама мысль о «ком-то для массовки» была ему глубоко чужда.

— Не было, — просто ответил он.

Коротко и ясно. Но для меня эта краткость прозвучала как пустота, которую любая женщина мгновенно стремится заполнить подозрениями. Моя интуиция встрепенулась, пытаюсь разглядеть в его молчании тени всех тех бывших подруг, что когда-то не вписались в его представление о счастливой жизни.

— И вот там я окончательно понял: хочу встретить ту, с которой можно проехать весь мир. Лёгкую на подъём, говорящую со мной на одном языке. Не просто попутчицу, чтобы заполнить пустое кресло в машине... а ту, с кем легко молчать. И ещё легче — смеяться.

Он снова замолчал, словно подбирал точные слова.

— Не слишком молодую, чтобы не гнаться за иллюзиями... Но и не ту, что уже перестала верить в чудеса.

По тону было ясно: он не импровизирует. Он озвучивал

проект, который давно прошёл все стадии согласования в его голове. Я поймала себя на неожиданной мысли: а знаю ли я сама, кто нужен мне?

— ...особенную, рядом с которой чувствуешь не просто присутствие, а смысл... — продолжал Вильям, и список требований начал казаться мне подозрительно похожим на техническое задание для супергероини.

— Ух ты! — не удержалась я. — Да ты, оказывается, не так уж и многого хочешь.

Он рассмеялся, на этот раз открыто и весело:

— Ладно, сдаюсь. Тогда просто ту, кто будет рядом и не испортит мне отпуск.

— Всё равно звучит как объявление о поиске редкого сокровища.

Он посмотрел на меня. Во взгляде мелькнула ирония, смешанная с чем-то очень внимательным, почти осязаемым.

— Возможно, я уже ближе к цели, чем думаю.

Ничего себе скорость... — пронеслось у меня в голове. — Первое свидание, а мы уже фактически выбираем каюту. Что-то есть в этом парне...

— Знаешь, — добавил он, как будто подтверждая мои мысли, — я обязательно снова отправлюсь в круиз, когда встречу такую женщину.

Машина катилась дальше, океан в сумерках блестел, словно жидкое серебро, и я вдруг подумала: а ведь жизнь именно так и даёт новые шансы — без фанфар и оркестра, без пре-

дупредительных писем в почтовом ящике. Она просто кладёт этот шанс тебе в ладонь и смотрит: возьмёшь ли ты.

Глава 9

Мы прибыли в ресторан — место, выбранное Вильямом явно не наугад. Видимо, это заведение хранило в себе какие-то его воспоминания. Я не исключала, что среди них могли быть и обеды с прежними возлюбленными, но не стала заходить в своих догадках слишком далеко — вечер только начинался, и я не собиралась портить его себе подозрениями.

Мы устроились за небольшим столиком. В зале играла мягкая музыка — из тех мелодий, что приглушают гул голосов и делают атмосферу интимнее. Я уже почти расслабилась, когда заметила, что Вильям на несколько секунд задержал взгляд на барной стойке.

Там стоял мужчина в форме пилота. Они обменялись едва заметными знаками — лёгкими кивками и скупыми улыбками. Всё это выглядело так таинственно, что я не удержалась: — Послушай, он сейчас подойдёт, чтобы передать тебе зашифрованную депешу? Или это будет ключ от сейфа с особыми указаниями?

Вильям рассмеялся:

— Боюсь, всё гораздо менее романтично.

Мы заказали вино и лёгкие закуски. Первые же глотки превратили Вильяма в рассказчика. Я слушала его, и, хотя мысли о других женщинах нет-нет да и покалывали меня,

невозможно было устоять перед тем, как умело он вплетал в историю шутки с заметным авиационным уклоном. Даже в самых неловких моментах его голос оставался ровным, а глаза искрились весельем.

Однажды он пригласил на свидание стюардессу, чья улыбка, по его словам, светилась ярче посадочных огней. Как человек, привыкший доверять визуальным сигналам, он не увидел причин для тревоги. Но внезапно девушка проявила недюжинный интерес к алкоголю. Вскоре ситуация приняла оборот, не предусмотренный ни одним руководством по безопасности: стюардесса оказалась не способна не только к взлёту, но и к обычной ходьбе.

Я рассмеялась:

— И что предпринял ответственный командир экипажа?

— Перешёл в режим спасательной операции.

Он рассказал, как вёз её домой через весь город, возвращался за её машиной, чтобы перегнать её к дому, вызывал такси и снова ехал за своей собственной.

— К утру я уже не понимал, где нахожусь, — добавил он.

— Но точно знал, что больше так не хочу.

Как выяснилось позже, он был не единственным, кто попал в подобную зону турбулентности с этой дамой. Тот самый пилот у барной стойки пытался его предупредить ещё в самом начале вечера.

— Он подавал сигналы, — развёл руками Вильям. — Но я их проигнорировал.

Я засмеялась, представляя эту ночную логистику:

— Зато какой опыт!

— Именно. И с тех пор у меня простое правило: если интерес к напиткам превышает способность стоять на ногах — это не мой пассажир.

Он сказал это так серьёзно, что я невольно заглянула в свой бокал. Он был пуст.

— Как хорошо, что я отказалась от второго, — заметила я с максимально вдумчивым выражением лица. — Похоже, я только что прошла негласный тест на алкогольную надёжность.

Вильям усмехнулся и откинулся на спинку стула, изучая меня с лёгким прищуром:

— Ты определёнno в безопасности.

— Хотя, может, стоило выпить побольше... Раз уж ты такой мастер по перемещению транспортных средств в пространстве.

— Исключительно самолётов, — уточнил он. — С автомобилями у меня был лишь один незапланированный марафон.

— Тебе в любом случае придётся отвезти меня домой. И, возможно, это даже дальше, чем живёт твоя стюардесса.

Он чуть приподнял бровь:

— Она не моя, — произнёс он с нарочитой серьёзностью.

— Как скажешь, — послушно отозвалась я, пряча улыбку.

Мы поднялись из-за стола и направились к выходу. Пока

Вильям рассчитывался у кассы, я заметила, что его знакомый пилот всё так же сидит за стойкой бара. Он не спеша потягивал свой напиток, отстранённо разглядывая публику в зале, словно зритель в театре. Заметив нас, он едва приподнял бокал, а Вильям ответил ему коротким жестом, коснувшись пальцами виска.

Через минуту мы уже были на улице и двинулись в путь. Несмотря на все шутки, я всё равно чувствовала лёгкую неловкость. Дорога из ресторана до дома Аны теперь казалась мне бесконечно долгой, и меня беспокоила мысль о том, что ему придётся возвращаться к себе через весь город.

Окленд — самый большой город Новой Зеландии, в котором проживает добрая треть страны. Из-за обилия яхт и того, что он зажат в узких объятиях Тихого океана и Тасманова моря, его прозвали «Городом парусов». Но в ту ночь у меня сложилось своё мнение: Окленд — это прежде всего город автомобилей, бесконечных развязок и огромных расстояний.

Глава 10

На следующее утро я обнаружила в телефоне сообщение с пожеланием хорошего дня, а чуть позже — робкое предложение встретиться снова. Прежде чем ответить, я перечитала его дважды.

— Тебя не пугает перспектива проделать тот же героический путь в оба конца? — сострила я в ответном сообщении.

Он отозвался мгновенно — спросил, можно ли позвонить.

— Ты вчера нормально добрался? — спросила я, едва мы начали разговор. Он будто ждал этого вопроса:

— Да, вполне. Через час с небольшим уже был на месте.

Ночь же — дороги пустые.

— Ох, неужели это так далеко?

— Ну... все относительно, — в его голосе послышалась улыбка. — Если честно, я всегда мечтал о знакомстве с женщиной, живущей где-нибудь по соседству. Чтобы просто подвезти ее после свидания и не стоять в пробках. Но, похоже, судьба решила сыграть со мной злую шутку.

— Понимаю, — с легким сочувствием подхватила я. — Но у тебя все еще есть шанс избежать дальнейших страданий. Можешь продолжить поиски более «удобного» варианта.

Он ответил не сразу. Пауза затянулась так сильно, что я мысленно уже попрощалась с ним, как вдруг он произнес:

— Нет. Мне кажется, я нашел то, что искал.

Теперь замолчала я — скорее от удивления, чем от смущения. Как быстро он это для себя решил... Эта скорость слегка сбивала с толку.

— Я хочу снова тебя увидеть. Можно я приеду?

Это «можно» прозвучало слишком осторожно для мужчины с такой уверенностью во взгляде. Его образ всплыл перед глазами так ясно, будто я снова стояла у входа в дом под мягким светом фонаря.

Вспоминая вчерашнее прощание, я почувствовала теплое волнение. Он не сделал ни одного лишнего жеста — лишь коротко улыбнулся и на секунду задержал дыхание, будто выбирал между словами и чем-то более важным. Когда молчание затянулось, я уже почти повернулась к двери, сделала полшага...

— Елена...

Он остановил меня легким движением, словно возвращая в настоящий момент, и обнял — спокойно, тепло, чуть дольше, чем принято между почти незнакомыми людьми.

— Спасибо за вечер, — сказал он негромко.

Я поймала себя на том, что до сих пор улыбаюсь, вспоминая это объятие.

Спустя несколько часов мы уже ехали в Ореву — пригородный рай с безупречным длинным пляжем и живописными валунами. Которые, казалось, нарочно разложили вдоль берега — небрежно и в то же время изящно, словно рукой

какого-нибудь скандинавского дизайнера.

Немного покружив по городку, мы выбрали небольшое заведение у самой воды и остановились на обед. День был прозрачный, с легким ветерком. Море весело играло своими волнами. За бокалом идеально охлажденного белого Савиньон Блан разговор складывался легко и без усилий. Темы сменяли друг друга. От политических и экзотических мы постепенно перешли к более личным.

Рассказывая об истории своей семьи, я вспомнила бабушку, которой недавно не стало. Мой голос дрогнул, неожиданно появились слезы. От этого стало неловко. Все получилось как-то слишком откровенно и не к месту.

Вильям посмотрел на меня с нежностью, молча протянул салфетку и мягко коснулся моей щеки. Он задержал руку на моем плече, слегка сжимая его, и от этого по спине прошла едва заметная, теплая дрожь.

Он на мгновение задержался, словно прислушиваясь — ко мне или к себе, — а затем взял мои руки в свои. Его ладони были теплыми, уверенными, и это действовало успокаивающе.

— Дорогая, — произнес он, глядя мне прямо в глаза, — я не могу подарить тебе весь мир...

Он сделал короткую паузу, словно давая словам осесть.

— Но я предлагаю тебе свой.

Тепло медленно разлилось внутри — густое, тягучее, как хорошее вино. Мысль мелькнула почти сразу: слишком па-

фосно... и слишком рано. И все же — приятно. Настолько, что это даже настораживало.

После ланча мы спустились к океану и пошли вдоль кромки воды. Теплый песок приятно хрустел под ногами, а волны лениво набегали на берег, оставляя после себя прохладную, быстро исчезающую влагу. Иногда вода подбиралась совсем близко, и я, смеясь, отскакивала назад. Пару раз волна накачивала так далеко, что Вильям подхватывал меня на руки, переносил через пенные ручьи. Я чувствовала силу его тела и ловила себя на мысли, что совсем не спешу высвободиться.

Воздух был соленым и свежим, чайки кружили низко, их крики вплетались в мерный шум прибоя. Все это стирало границы, делало ощущения острее и дурманило сильнее, чем вино.

Возле машины он на мгновение задержался, глядя на океан, будто что-то для себя решая. Затем повернулся ко мне и, не говоря ни слова, поцеловал. Это был короткий, уверенный поцелуй — из тех, после которых уже невозможно сделать вид, что все осталось по-прежнему.

— Хочешь, покажу тебе мой дом? — спросил он, когда мы сели в машину. — Я купил его всего год назад, — добавил он, потянувшись за планшетом на заднем сиденье.

В другой раз, — почему-то ответила я, откидываясь на спинку кресла. — Сейчас... отвези меня домой, пожалуйста. Слишком много впечатлений для одного дня.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов.

Машина мягко тронулась. За окном медленно сменялись пейзажи, но я почти не следила за дорогой. Мысли шли своим ходом — неторопливо, но настойчиво. В его словах, даже в молчании не было фальши. И все же внутри уже второй раз за день возникало одно и то же ощущение: слишком быстро. Не пугающе — но так, словно события слегка опережают мою готовность им соответствовать.

Когда мы въезжали в Окленд, солнце уже клонилось к закату. Небо переливалось оттенками золота и багрянца и, любясь этой игрой красок, я поняла, что навсегда запомню этот закат. Не потому, что он был особенно красив, а потому, что он неразрывно свяжется в моей памяти с этим странным, волшебным днем.

В тот момент я уже знала: наша история не закончится завтра. Хотя именно завтра был мой последний день в Новой Зеландии. Ночью я улетала. И мне предстояло как-то сказать об этом легчику.

Глава 11

Я проснулась раньше обычного, с ощущением, будто что-то уже происходит без моего участия. Телефон лежал под рукой. Стоило разблокировать экран, как догадка подтвердилась — несколько сообщений от Вильяма. Он писал их одно за другим, словно мучаясь в сомнениях, какое из них прозвучит уместнее.

Сначала — короткое «Доброе утро». Затем — предложение пообедать. И следом, почти сразу, осторожное: «А если захочешь, можем провести вместе и вечер».

Улыбка сама собой тронула губы, но тут же померкла: я вспомнила вчерашнее прощание. Тогда я все же решилась произнести то, что тянула до последнего:

— Завтра я улетаю.

Он не сразу ответил. На мгновение замер, будто не ожидал услышать именно это.

— Завтра?

— Ночью.

Он провел рукой по затылку — быстрым, почти машинальным жестом. В его голосе впервые за все время появилось нечто похожее на растерянность.

— Я думал... у нас есть больше времени, — сказал он, и это прозвучало скорее как признание, чем как простое уточ-

нение.

Я ничего не ответила.

Он отвел взгляд, коротко кивнул, словно принимая новую реальность на ходу.

— Значит, один день, — сказал он. — Тогда нужно провести его правильно.

Эта фраза могла бы прозвучать легко, почти шутливо, но в ней не было прежней легкости. Скорее — решение, принятое слишком быстро, потому что времени на раздумья совсем не осталось.

Я предупредила, что последний день принадлежит семье. Он кивнул с пониманием, лишь вскользь обронив надежду на встречу: хотел приехать в аэропорт, чтобы проводить... Если я, конечно, не буду против.

Мы условились быть на связи и действовать по ситуации.

Но теперь, глядя на экран с его сообщениями, я чувствовала почти физически: вчерашнее признание всё изменило. Прежняя осторожность испарилась, уступив место мужской решимости. Вильям явно решил не отдавать обстоятельствам ни единой минуты из того времени, что нам осталось.

Я отложила телефон, на миг задержав дыхание. День еще толком не начался, а уже требовал от меня выбора.

Нужно было на что-то решаться. Я посоветовалась с дочерью и начала собираться.

Вильям заехал ближе к полудню. Он уверенно вошел в

дом, но я заметила, что сегодня он был собраннее, чем прежде. Поздоровался с Аной, познакомился с остальными. Вел себя спокойно, но без той легкости, которая еще вчера казалась его естественным состоянием.

Через несколько минут мы уже ехали — навстречу нашему третьему дню, который с самого начала ощущался иначе. В машине он почти сразу вернулся к теме, которую я вчера так мягко оборвала:

— Можем поехать ко мне, если хочешь.

Он произнес это просто, без лишнего давления, но в его голосе чувствовалось, что для него это важно — впустить меня в свой мир до того, как я исчезну за горизонтом.

Я задумалась, а нужно ли мне это... Ночью у меня был вылет, и тратить последние часы на экскурсию в жилище холостяка казалось сомнительной тратой времени.

— Посмотришь дом, — предложил он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Я мягко покачала головой:

— Давай в другой раз, — и, чтобы не оставлять пространство для недосказанности, добавила: — Ты хотел показать мне фотографии.

Он кивнул. Легко, прямо на ходу, достал планшет с заднего сиденья, открыл галерею и протянул мне. На экране появился дом — двухэтажный, аккуратный, сдержанный, с четкими линиями. Вильям уже говорил, что он находится в черте города, и это чувствовалось сразу: плотная застройка, со-

седние дома почти вплотную, минимум земли вокруг.

— Неплохо, — сказала я, больше из вежливости, чем из внутреннего отклика.

— Спасибо. Я сам его построил.

Я удивленно подняла на него взгляд:

— Сам?

— Да. От и до. Я вообще люблю все делать сам, — он пожал плечами, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном.

— Слишком скромно сказано для такого объема работы, — теперь я смотрела на снимки на экране совсем иначе, с искренним восхищением.

За эти дни я поняла, что Вильям умеет многое. Его способности впечатляли, и с каждой новой деталью он открывался мне все более разносторонним человеком.

— А это второй дом, — сказал он, когда я листала галерею дальше и остановилась на другом кадре.

Сначала я даже не увидела сам дом — взгляд утонул в пространстве. Огромные зеленые луга тянулись во все стороны, живые, неровные, словно дышащие. И только потом в этом просторе появился дом — одноэтажный, немного старомодный, с красивой яркой крышей.

— Это... все твое? — спросила я, не отрывая взгляда от экрана. — Та самая ферма?

— Да, — с чуть заметной гордостью ответил он. — Недавно туда переехал.

Окленд, в отличие от привычных мегаполисов, не стремится вверх — он расплзается в стороны, спокойно и уверенно занимая пространство. Дома, участки, дороги — все располагается по горизонтали. Земля не считается дефицитом, однако стоит дорого. Пригороды с их широкими владениями часто называют «фермами», даже если от настоящего фермерства в них — лишь ощущение простора и тихого уединения.

Животные здесь скорее часть пейзажа, чем хозяйства. Кошки, собаки и, почти неизбежно, овцы. Их держат не ради прибыли, а ради порядка. Они делают то, что иначе пришлось бы делать человеку — косить траву. Обслуживание овец обходится недешево, однако трава в Новой Зеландии растет круглый год, поэтому овцы здесь — незаменимые помощники.

— Удобно и экологично, — усмехнулся он. — Как видишь, у меня все по классике: дом, участок...

Я пролистала еще несколько снимков. Земля, овцы, собаки, кошки. Мелькнули кадры с детьми — уже взрослыми, лет по двадцать. Я на секунду задержала взгляд, и он тут же поймал это движение, поспешив добавить, что любит их — глубоко и безоговорочно.

— Они живут с матерью?

— Нет, отдельно. Я отдал им свой городской дом, хотя часть времени они проводят со мной, на ферме.

— Звучит... очень правильно, — это было единственное,

что пришло мне в голову.

Он бросил на меня быстрый взгляд. В нем читалось то ли признание, то ли тихая проверка на прочность.

Продолжать тему детей не хотелось — все и так было предельно ясно.

А еще довольно быстро стало ясно и другое: всего перечисленного — дома, фермы, привычного уклада — пилоту было катастрофически мало. Он не хотел доживать по сценарию, который когда-то казался удобным. Ему была нужна не высота достижений, а глубина ощущений. Жизнь, в которой еще оставались место для маневра и право на импровизацию.

— Я хочу, чтобы рядом был человек, с которым не скучно просыпаться, — произнес он, глядя куда-то вверх меня. — Чтобы не просто «спокойно», а...

Он не договорил, но в воздухе повисло то, что и так было ясно. Это сбивало с толку. В нашем возрасте люди обычно ищут тихую гавань и предсказуемость, а не шторм. Но Вильям говорил о другом. И в его жажде жизни было что-то пугающе притягательное.

Слушая его, я понимала: он не просто существует — он перекраивает себя заново. Ищет тот самый недостающий фрагмент, без которого счастье остается лишь красивой картинкой.

На моей родине все было проще. Мои ровесники давно выбрали стабильность: выверенный круг общения, понятная

карьера, жизнь без лишних поворотов. Надежно, уютно и... безнадежно скучно. А этот человек жил с ощущением, что впереди — целая глава, а не эпилог с подведением итогов.

Я видела, как он присматривается ко мне. В его долгих взглядах читался немой вопрос: впишусь ли я в ту историю, о которой он мечтает? Стану ли тем самым «не скучно»?

Но главный вопрос был в другом: хочу ли я сама становиться частью чужого сценария? И не окажется ли он тем, кто перепишет мою собственную историю до неузнаваемости?

Эти мысли требовали размышлений.

— Поедем пообедаем? — прервал их Вильям. — Я знаю одно хорошее место.

Глава 12

Мы приехали в его любимый тайский ресторан — крошечный частный дом, буквально утопающий в тропической зелени. По тому, как просияла хозяйка, стало ясно без слов: летчик здесь частый гость.

Мы устроились у окна, вдыхая густой, пряный воздух. Дождь снаружи вел себя нерешительно: то замирал, словно затаив дыхание, то вновь обрушивался на широкие листья тяжелыми, шумными каплями. Обедали неторопливо, почти церемонно — так цепляются за ускользающие мгновения, пытаясь замедлить время. Вкус зеленого карри, ледяная жасминовая вода, его взгляд, безотрывно скользящий по моему лицу... Всё это впитывалось в память, как запахи в тяжелые скатерти и деревянные стены этого дома.

До рейса оставалось несколько часов, но они казались чужими, словно уже не принадлежали нам, а были собственностью того мира, который вот-вот заберет меня прочь.

— Устала? Давай в отель, — предложил он. — Тебе нужно немного отдохнуть перед полетом.

— В отель? Нет, спасибо, — я почти возмутилась. Эта мысль казалась сейчас кощунственной.

Вместо отеля мы попытались выйти к океану, но небо передумало быть снисходительным. Ливень хлынул стеной, загоняя нас обратно в салон машины. Мы включили печку,

чтобы обсохнуть и просто сидели молча, наблюдая, как на лобовом стекле дождевые капли объединяются в тяжелые струи и скатываются вниз.

Дворники двигались лениво, с натужным поскрипыванием выдавая возраст автомобиля. Этот монотонный звук в точности попадал в такт моему настроению.

Казалось, что дождь не закончится никогда. Время вязло, как сироп на холодной тарелке, и сопротивлялось каждому движению вперед. Я вспомнила о семье: сейчас я могла бы греться в их уютном доме. Но возвращаться к дочери не было смысла — мы уже попрощались, и мой чемодан, холодный и тяжелый, лежал в багажнике.

Наконец мы тронулись. Немного покружили по городу, выехали на автостраду, и дорога сама, вопреки моему желанию, привела нас в аэропорт.

На парковке аэропорта время окончательно превратилось в густой, липкий туман. Мы все еще сидели в машине и снова молчали. Казалось, все слова уже сказаны, и паузы между редкими фразами растягивались до бесконечности.

Я физически ощущала этот разрыв: через пару часов я исчезну в небе. Двенадцать часов до Малайзии, еще восемь — до моего города. Почти сутки полета в пустоту. И он это знал. Мысль о разлуке висела между нами, делая наш короткий роман пугающе нереальным — случайный эпизод, сбой в расписании, который слишком быстро, и так некстати, стал для нас важным.

— Еще два часа до регистрации. Может, все-таки в отель?
— голос Вильяма прозвучал глухо. Его рука скользнула по моим влажным волосам, медленно, почти благоговейно, будто он пытался запомнить их на ощупь.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отозвалась я. Мое сопротивление было чистой формальностью, привычкой, за которую я цеплялась, чтобы не упасть в бездну.

Но слова запоздали. Его близость уже была слишком ощутимой — спокойной, теплой, уверенной. Он наклонился чуть ближе, его губы коснулись моих — мягко, почти вопросительно, словно оставляя мне последний шанс на отступление.

Я не отступила. Мы перебрались на заднее сиденье, в наш тесный и единственный уют, и мир за окнами растворился. Под нарастающий рокот ливня и глухие раскаты грома мы целовались. Сладкая истома разливалась по телу, стирая страх и логику, и я уже почти жалела, что была такой благо-разумной и отказалась от отеля.

Глава 13

Глава 13

Два часа пролетели как мгновение. Мгновение, в котором не нужно было ничего решать, ничего объяснять. Только чувствовать.

Пришло время идти в аэропорт.

Мы вышли из машины. Вильям, легко, будто играючи, выгрузил мой чемодан из багажника и даже не подумал поставить его на землю — просто подхватил и понес его в руке, старательно обходя лужи на мокром, пахнущем дождем асфальте.

— Поставь его на землю и кати, — посоветовала я. — Он тяжелый. В этот раз я явно переоценила возможности своего гардероба. Наверняка придется доплачивать за перевес.

— Килограммов двадцать, не больше. — бросил он с уверенностью, которая не требует подтверждения приборами. — Все будет нормально.

— Я знаю вес своих вещей почти на ощупь, — не сдавалась я. — Там лишних пять килограммов, не меньше.

— Нет, — коротко сказал он, словно ставя точку в споре.

Мы зашли в здание терминала. Привычный гул, обрывки объявлений и суета пассажиров стали лишь фоном, на котором я пыталась справиться с тяжестью момента, давившей на плечи сильнее любого багажа.

У стойки регистрации Вильям замедлился. Он наконец опустил чемодан на пол и тут же приготовился поставить его на весы, но вдруг передумал. Выражение лица стало сосредоточенным, почти серьезным. Внимательно глядя мне в глаза — слишком внимательно для обычной шутки — он сказал:

— Давай заключим пари. Если твой чемодан весит двадцать килограммов, ты выйдешь за меня замуж.

— Что?.. — слова застряли где-то между удивлением и смехом. — Ты сейчас серьезно? Третий день знакомства? Ты о чем вообще?

Он не ответил. Никаких дежурных улыбок или попыток перевести все в шутку. Просто поднял чемодан и опустил его на ленту, словно ставил на кон все, что у нас было.

Цифры на табло замигали и замерли: двадцать килограммов двести граммов.

Мы переглянулись. Эти лишние двести граммов выглядели как насмешка или как изящная погрешность, которую судьба оставила нам «на чай».

Воздух вокруг стал густым. Это было слишком точное попадание, чтобы списать его на удачу, и слишком безумное, чтобы принимать всерьез. Казалось, кто-то там, наверху, просто решил подтолкнуть меня к решению, выверив вес моего будущего до грамма.

В кафе на втором этаже было тише. Звуки аэропорта остались где-то внизу, у лент сдачи багажа. Мы заказали по бокалу Пино Нуар. Вильям держал мою руку так крепко, словно

боялся, что я испарюсь вместе с паром от кофе за соседним столиком.

Время растягивалось, становясь почти осязаемым, и каждый взгляд, каждое прикосновение задерживались чуть дольше, будто так мы могли сохранить их для себя, не дать этому дню закончиться слишком быстро.

Я смотрела на его пальцы и думала об этих цифрах: двадцать килограммов... Граница между случайностью и неизбежностью оказалась опасно тонкой.

— Я не шучу, — прервал он молчание. Голос был тихим, но в нем слышался металл. — Насчет предложения. Я совершенно серьезен.

Он поднес мою руку к губам и, не отводя взгляда от моего лица, медленно поцеловал. Тепло этого поцелуя обожгло кожу, оставив в груди странное, почти болезненное чувство. Его пальцы чуть сильнее сжали мою ладонь, как будто он и правда боялся, что я исчезну, стоит только ослабить хватку.

— У тебя будет время подумать, — добавил он еще тише. — Как скоро ты сможешь вернуться?

Я улыбнулась, надеясь, что он не заметит дрожи и неуверенности в моем голосе:

— О, да... Времени подумать будет более чем достаточно...

Мне не хотелось ничего объяснять и рушить этот момент реальностью визовых сложностей. Сейчас это не имело значения.

Пришло время идти на посадку. Мы остановились там, где дальше уже нельзя было идти вместе.

Вильям притянул меня к себе — без лишних слов, властно и уверенно.

— Напишешь, когда приземлишься? — спросил он.

— Конечно.

Он кивнул, затем снова еще крепче обнял.

— Ты вернешься, — сказал он тихо, почти уверенно. Не спросил — именно сказал.

Я улыбнулась ему на прощание непонятной улыбкой, за которой можно спрятать все, что угодно. И ничего не ответила.

Глава 14

Весь полет до Малайзии я снова и снова прокручивала последние три дня в голове, как фильм, который невозможно поставить на паузу. Фразы, взгляды, интонации. Его уверенность. Моя осторожность.

Вильям мне нравился — отрицать это было бы глупо. Но я его почти не знала, и это было еще очевиднее.

К тому же этот человек совершенно не вписывался в привычные мне схемы. Его жизнь казалась инопланетной: бесконечные горизонты, взлетные полосы и города, в которых он бывал чаще, чем другие успевают о них помечтать. И в этой его реальности, вопреки логике, я вдруг увидела место для себя.

После его развода прошло достаточно лет, чтобы раны затянулись, превратившись в ровную кожу. Его дети выросли, у них была своя жизнь. Сложилась почти идеальная ситуация, которая мне подходила.

Но страх... он не исчезал.

Меня пугала не просто Новая Зеландия. Меня пугала сама идея расстояния. Целые сутки в воздухе — это не просто перелет. Это выбор. Дорогие билеты, визы, планы, которые нужно строить заранее... Расстояния, которые невозможно измерить километрами — только решимостью.

Хотя кого я пыталась обмануть? На другом конце мира

жила моя дочь. Я уже научилась преодолевать океаны и часовые пояса. Значит, дело было вовсе не в географии...

Когда после двенадцати часов в небе я наконец шагнула в густой, влажный воздух Малайзии, внутри что-то неожиданно щелкнуло. Спор с самой собой закончился. Противоречия, которые казались неразрешимыми на высоте десяти тысяч метров, на земле просто растворились. Осталось только одно простое, почти удивляющее своей ясностью чувство — со мной произошло что-то по-настоящему хорошее.

Я включила телефон. На экране появились сообщения. Несколько были от Вильяма.

Среди них одно с вопросом. Коротко и совершенно в его стиле: «Хочешь со мной где-нибудь встретиться? Например, мы можем сделать это в Тайланде».

Я невольно улыбнулась. Такой поворот сюжета меня не пугал. Наоборот, он казался почти естественным продолжением. Его решительность больше не сбивала с толку. Она мне нравилась.

Без долгих раздумий я ответила коротко: «Да».

И с этим легким, почти искрящимся ощущением радости я вышла из аэропорта навстречу шуму города. Моя следующая поездка была к морю, и мне срочно нужно было купить что-нибудь вызывающе красивое для этого нового, незапланированного будущего.

Глава 15

Я вернулась домой ровно в день своего рождения. И почти сразу, словно не давая реальности вступить в свои права, в дверь позвонила доставка.

На пороге меня ждал роскошный букет роз от летчика. Аромат наполнил квартиру тихим напоминанием о приятных моментах. Что ж... начало было безупречным. Конфетно-букетный период начинался многообещающе.

Мы не стали тянуть. Почти сразу, будто боясь упустить ритм, начали обсуждать нашу встречу в Тайланде.

Даты, рейсы, пересадки — незаметно это перетекло в многочасовые разговоры и нескончаемые сообщения.

Мы будто жили в одном непрерывном диалоге. Время перестало подчиняться привычному распорядку.

Из-за разницы во времени мои ночи сместились к утру. Я засыпала под его голос и просыпалась от его сообщений. А он писал мне оттуда, где для большинства людей нет ни связи, ни привычной реальности — с высоты десяти тысяч метров.

Смотри, какой красивый закат над Сиднеем, — приходило от него. — Я запишу видео во время снижения, — и следом шли кадры, снятые прямо из кабины пилота.

В самолете я, как и многие другие пассажиры, всегда люб-

лю места у иллюминатора — за возможность прислониться и немного поспать. И, конечно, за редкое чувство быть выше облаков, видеть мир сверху так, как это доступно лишь тем, кто летит.

Но то, что видел он, было совершенно другого масштаба.

Кабина пилота с панорамным обзором раскрывала пространство почти на сто восемьдесят градусов. Горизонт тянулся непрерывной линией, без единой преграды, и вместе с ним открывалась вся география планеты — живая, подвижная, меняющаяся каждую минуту.

Иногда он выходил на связь прямо из полета. Его камера мягко скользила вдоль лобового стекла и это выглядело так, словно кто-то медленно листает живой атлас Земли.

Но важнее были не сами виды — а то, как он о них говорил. Я слушала и понимала, что он показывает мне не только Землю с высоты — он открывает свой способ ее видеть.

— Посмотри на это, — говорил он, когда за его спиной медленно тянулась цепь облаков, подсвеченных закатом. — Такое невозможно придумать. Можно только создать. Природа — это не случайность. Это замысел. Это чья-то работа. Я каждый раз думаю об одном и том же: Бог был невероятно щедр, когда создавал этот мир.

И фотографии этого мира — как будто собранные им в личное портфолио Творца — заполняли память моего телефона быстрее, чем я успевала их пересматривать.

Бескрайняя гладь океана, выжженные австралийские пу-

стыни, изумрудные острова, острые горные пики, разноцветные холмы, темные кратеры вулканов. Каждый кадр вызывал у меня восторг и мне трудно было отрицать божественное авторство всего этого великолепия.

Казалось, за эти два месяца я вместе с летчиком облетела всю Океанию. А теперь настало время оказаться в Тайланде. Только уже не через экран, а по-настоящему.

— Совсем скоро мы увидимся... Я так волнуюсь.

— Да, уже очень... скоро.

Я вдруг услышала в его голосе что-то неуловимо глухое, будто он говорил из другого помещения... или из другого решения.

— Не слышу энтузиазма. Что-то случилось?

Он помолчал.

— Нет... просто... не знаю, как сказать об этом детям.

— О чем?

— Они недавно говорили, что хотят полететь в Тайланд. И я не понимаю, как объяснить, что лечу туда... без них, — он выдохнул.

— Мм... даже не знаю... Они у тебя взрослые, поймут. Должны понять. Скажи им, не тяни.

Но он тянул. И через несколько дней разговор повторился. Он все так же медлил и боялся сообщить своим детям о предстоящей поездке. И в этой нерешительности открывался для меня с неожиданной стороны.

— Послушай, — начала я осторожно, — но ты ведь и так

по несколько дней в неделю в рейсах...

— Да. Вот и думаю сказать, что лечу по работе. А про Тайланд умолчу.

Я почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Не понимаю зачем? Зачем начинать со лжи?

Он не ответил.

Вечером пришло короткое сообщение:

«Ты не будешь против, если я прилечу в Тайланд с детьми?»

Я смотрела на экран дольше, чем следовало... и почти физически ощутила этот сомнительный шарм коллективного отпуска.

«Буду», — наконец написала я, возможно, резко, но честно.

После этого, мне показалось, все начало рассыпаться. Мы почти ничего не обсуждали. Сообщения приходили реже, ответы были короче, паузы — длиннее. Он будто отступал шаг за шагом, не объявляя об этом вслух. А за несколько дней до поездки вообще исчез.

Я пыталась объяснить это логикой. Перед отпуском у него плотный график, рейсы, усталость. Но внутри росло другое ощущение — тихое и упрямое: дело не только в этом.

Я тонула в догадках и даже допускала, что он боится самой встречи и физической близости. Мужчине ведь важно произвести впечатление — быть уверенным в себе, в своем теле, в реакции женщины. А что, если есть какие-то пробле-

мы, о которых не принято говорить вслух?

В наших почти интимных разговорах я пыталась уловить намеки на это, но ничего подозрительного не звучало. Однако тревога не уменьшалась.

Прямого рейса на Пхукет у меня не было. Я летела с пересадкой и должна была вылететь раньше, чем Вильям из Окленда. Волнение росло с каждым часом. Оно стало почти физическим — как напряжение перед чем-то, что уже невозможно отменить.

Накануне вылета он вышел на связь всего один раз. «Поранил ногу», — написал он и прислал фото ноги со ссадинами.

— Бедняга. Как это случилось?

— Щенок, которого завели мои дети, уже подрос и стал убежать. Носится по соседним фермам, пугает овец. Я постоянно слышу его лай откуда-то издалека — с чужих пастбищ. Нужно заняться его обучением, но ни у кого не доходят руки. Вчера был рейс в Сидней, я не мог его бросить. Хотел поймать собаку и закрыть ее в доме. Поэтому пришлось побегать по холмам. А тут еще этот дождь — скользко. Два раза упал. Похоже на растяжение.

— О, боже... Надеюсь, это не перелом?

— Если честно, не уверен. Болит.

— Как же ты работал потом?

— С Божьей помощью.

Я думала он отшутился, но нет. Он был серьезен.

С этой новостью и большими сомнениями насчет нашей встречи, я отправилась на свой рейс.

Шесть часов в воздухе. Несколько часов в Бангкоке. Пересадка, ожидание, шум, очереди, багаж, усталость — и, наконец, Пхукет.

Точка на карте, которая должна была стать началом. Или чем-то совсем другим.

Глава 16

Вильям ждал меня в аэропорту. Я мгновенно выхватила его силуэт из толпы встречающих и остановилась. Его взгляд метался по лицам, пока не нашел мое.

Значит, все-таки добрался. Внутри что-то тихо отпустило.

Мы одновременно шагнули навстречу — одно движение на двоих — и я наконец почувствовала тепло его рук, так крепко прижавших меня к себе, будто он тоже боялся, что я могла не прилететь.

Я уткнулась лицом ему в плечо — и на несколько мгновений мир перестал существовать. Исчезли гул терминала, монотонные объявления, обрывки чужих разговоров. Остался только запах его духов и тепло.

Это было странно. Мы обнимались так, словно за спиной у нас были годы совместной жизни, а не короткое знакомство. На самом деле — шел всего лишь четвертый день: три в Новой Зеландии и этот, первый — здесь, в совершенно другой реальности.

— Ну, здравствуй, — негромко произнес он и еще крепче, почти до хруста, сжал меня в объятиях.

Когда мы вышли из здания аэропорта и направились к парковке, Вильям с гордостью указал на стоящий неподалеку автомобиль:

— Как видишь, я времени зря не терял. Уже сделал на нем

пару кругов.

Я посмотрела на машину и не смогла сдержать смех. На фоне мощной, широкоплечей фигуры Вильяма этот крошечный, почти игрушечный автомобиль выглядел комично.

— Ты уверен, что нам вообще нужна машина? — спросила я, всё ещё посмеиваясь.

Он молча кивнул и с легкостью впихнул мой чемодан в крошечный багажник. Его собственные вещи уже заняли половину салона.

Захлопнув крышку багажника, Вильям снова посмотрел на меня — внимательно, почти недоверчиво, словно проверяя, не исчезну ли я, если он на секунду моргнет. Его пальцы коснулись моих волос, мягко убирая выбившуюся прядь за ухо.

— Ну что, поехали?

Он сел за руль и едва заметно поморщился — травмированная нога отозвалась резкой болью.

— Все в порядке? — я встревоженно проследила за его взглядом, только сейчас заметив, что лодыжка туго забинтована.

— Да, пустяки. Не переживай, — он постарался придать голосу уверенности. — Скорее всего, обычное растяжение.

Он повернул ключ, и машинка тонко взвизгнула, как будто тоже, как и я, не верила, что сможет нас увезти.

Стоило нам выехать с крытого паркинга, как в салон ворвался плотный, жаркий воздух Таиланда. Я не удержалась

— высунулась в окно, подставляя лицо горячему ветру и обернувшись, увидела, что Вильям смотрел на меня украдкой, едва заметно улыбаясь уголками губ.

Внутри разлилось чистое счастье. Мы преодолели тысячи километров, границы и собственные сомнения, чтобы снова оказаться рядом. Всё вышло удивительно легко. Почти неправдоподобно.

Наше тайское путешествие началось.

Глава 17

С момента неожиданного для нас обоих предложения руки и сердца прошло девять с половиной недель. Так иронично мы окрестили этот период в честь старого фильма, хотя наша версия состояла не из клубники и шелковых повязок, а из бесконечных мегабайтов переписки и сладкого предвкушения.

Под шепот клавиш в ночной тишине мы заходили на территорию таких фантазий, от которых пересыхало в горле. Когда слов становилось мало, раздавался звонок. Бархатистый голос Вильяма обволакивал меня, как дорогое шелковое белье, заставляя забыть, что между нами тысячи миль.

«Да, дорогая», «Конечно, дорогая» звучали как обещание вечного отпуска от всех будущих битв моей жизни. Замирая от его почти тотального согласия, я спрашивала себя: «Неужели такое бывает?»

Но, как и полагается в хорошей истории, идиллия дала трещину, когда на сцену вышел вопрос об отеле. Оказалось, что наши вкусы совпадают далеко не так идеально, как наши взгляды на секс.

Чтобы лучше исследовать остров, мы решили остановиться в двух отелях по очереди. Я, считая себя опытной туристкой и экспертом по выживанию в условиях «ожидание - реальность», завалила его советами. Я точно знала, за какими

пафосными пятью звездами скрывается обшарпанный позолоченный шик девяностых, пахнущий сыростью и разочарованием.

Вильям слушал. Очень внимательно. Он соглашался, задавал уточняющие вопросы — был почти идеальным собеседником. А потом... просто взял и забронировал все на свой вкус.

— Ну и ладно, — фыркнула я, хотя внутри все кипело.

В конце концов, он действительно видел мир. Налетал тысячи часов, бывал в таких краях, о которых я только читала. Наверное, он понимал разницу между «красивой картинкой» и местом, где действительно хорошо. Или, что вероятнее, его прагматизм взял верх над романтикой.

В голову закралась неприятная мысль: а вдруг он просто выбрал самый экономный вариант, решив не тратиться на мои капризы? Пусть так... Я заранее смирилась с простотой предстоящего ночлега, не желая показывать, как сильно меня задело его единоличное решение.

Но стоило нам оказаться на месте, как все мои опасения мгновенно испарились. Его первый выбор был очень хорош. Это было не просто «жилье», а место с изюминкой, которое я сама вряд ли бы отыскала в бесконечных списках бронирований.

К моему удивлению, мне даже начала нравиться его способность уверенно взять все в свои руки, избавить меня от мук выбора и в итоге сделать все правильно. Было что-то по-

настоящему притягательное в том, как легко он превратил мое ожидание худшего в приятное удивление.

Нас ждало уютное бунгало с собственным бассейном, надежно спрятанное от посторонних глаз густой тропической зеленью. Душ и туалет располагались прямо на свежем воздухе — под бескрайним тайским небом.

— Как говорится, удобства во дворе, — посмеялась я, осматриваясь. Для меня такая архитектурная вольность была в новинку, но, признаться, в этой экзотике было что-то притягательное.

Мы неспешно обошли территорию и вышли к пляжу. Он встретил нас абсолютным безмолвием: пустынная береговая линия, мучной песок и океан, который, казалось, никуда не торопился.

Решив не портить первый день сложными маршрутами, мы просто сели в машину и поехали туда, куда вела дорога.

Ехали почти молча. Но эта тишина не тяготила. За бесконечные два месяца мы так перенасытились словами и сообщениями, что теперь просто наслаждались возможностью дышать одним воздухом. Это было похоже на глубокий вдох после долгой задержки дыхания.

Иногда Вильям легко касался моей руки, и я отвечала едва заметным сжатием его пальцев. В этих коротких, почти невесомых прикосновениях было больше смысла, чем во всех наших самых длинных телефонных разговорах. Экран больше не разделял нас. Мы наконец-то были в одной реальности.

Глава 18

За окном остров неспешно разворачивал свою панораму: сначала шумные улицы с пестрой чехардой вывесок и мопедов, а затем — все реже дома, все гуще зелень. В какой-то момент пальмы окончательно победили цивилизацию, и в разрывах между их стволами начали вспыхивать ярко-лазурные лоскуты моря. Воздух становился другим — тяжелым, плотным, насквозь пропитанным солью и раскаленным солнцем.

Вдоль обочин то и дело возникали крошечные кафе — всего пара столиков, лоскут ткани вместо крыши и выдавшие виды газовые горелки. Мы делали остановки, выходили, любопытствовали. В одном из таких мест Вильям неожиданно решил пообедать.

Заведение было миниатюрным, но выбор поражал воображение: золотистые блинчики, жареная рыба, мясо в каких-то невообразимых соусах — всё это шкворчало, дымилось и благоухало на всю округу чесноком, лаймом и пряностями. Несмотря на то что продукты выглядели вполне невинно и готовились прямо у нас на глазах, мой внутренний критик впал в состояние легкого шока. Я так и не решилась рискнуть.

Вильям же, сохранив олимпийское спокойствие, заказал куриные шашлычки и, судя по его виду, ничуть об этом не

пожалел. Я попыталась спасти ситуацию, выбрав самое безопасное — ананас. Но когда неопрятный таец с лучезарной улыбкой протянул мне пакет, где кубики фрукта уныло плавали в мутноватом соке, мой аппетит мгновенно исчез. Я лишь вежливо покачала головой, чувствуя себя неисправимым снобом.

Мы снова сели в машину и двинулись дальше, оставляя этот пряный, шипящий мир позади.

Через какое-то время дорога вильнула и увела нас вглубь острова — к зоопарку, спрятанному в джунглях. Он казался не столько отдельным местом, сколько их продолжением.

Воздух здесь мгновенно стал тяжелым и влажным, он почти осязаемо ложился на плечи. Лес вокруг жил своей жизнью: со всех сторон доносились резкие вскрики, треск ветвей и шорохи — казалось, сами джунгли внимательно наблюдают за непрошеными гостями.

Обитателей здесь было не так много, но те, что были, чувствовали себя настоящими хозяевами, привлекая зрителей своей бесцеремонностью. Особенно обезьяны. Пока одни безразлично взирали на нас из клеток, другие свободно дефилировали среди посетителей.

Мы стояли, наблюдая за семейкой макак, которые с артистизмом опытных комиков корчили нам рожицы. Я как раз собиралась что-то заметить, когда одна из них молнией сорвалась с места. В следующую секунду макака оказалась у Вильяма за спиной и ловко вскарабкалась ему на плечи.

— Эй! — он резко дернулся, инстинктивным движением смахивая с себя наглую гостью.

Макака отпрянула, но, цепляясь, успела рвануть ткань его рубашки: послышался сухой треск, и нагрудный карман повис печальным лоскутом. И в то же мгновение пространство прошил пронзительный визг.

Совсем рядом стоя обезьян перешла в массированную атаку на длинноволосую блондинку. В своем ярком наряде и со сверкающими очками на макушке, она выглядела слишком вызывающе для этого первобытного места. Девушка кричала так, что, казалось, даже листва на деревьях начала подрагивать.

Одна макака яростно вцепилась в очки, запутавшиеся в светлых локонах, и дергала их с маниакальным упорством. Другая выхватила сумку и мгновенно взлетела на дерево. Усевшись на ветке, как на капитанском мостике, она начала методично инспектировать добычу. Помада, телефон, чеки — всё, что составляло мир этой девушки, летело вниз, превращаясь в бесполезный мусор.

Потеряв интерес к пустой сумке, обезьяна швырнула ее на землю.словно по невидимому сигналу, вся банда растворилась в зелени так же внезапно, как и появилась.

Мы с Вильямом переглянулись. Без лишних слов подошли к бедняжке и помогли собрать то, что осталось от ее тщательно выстроенного образа. Дрожащими руками она прижимала к себе спасенные вещи, все еще всхлипывая от

пережитого.

Я была потрясена. Грань между нашим цивилизованным миром и диким хаосом стерлась за считанные секунды, наглядно показав, кто в доме хозяин.

Не сговариваясь, мы поспешили к выходу — джунгли на сегодня явно дали нам понять, что аудиенция окончена.

Глава 19

Вернувшись в наше бунгало, я почувствовала, как усталость наконец догнала меня. Я присела на кровать. В голове еще стоял визг той блондинки, а перед глазами — макака с трофейной помадой.

— Давай я обработаю твои ссадины, — предложила я, заметив тонкие алые следы на руках Вильяма.

— Это пустяки, крошка, не стоит беспокоиться, — отмахнулся он с небрежностью.

— Боевое ранение в схватке с макакой — это тебе не шутки, — я включила режим «строгой медсестры» и настояла на своем. Он чуть улыбнулся и, больше не споря, стянул рубашку.

Теперь я могла рассмотреть его без помех. Натренированные руки, мощные плечи, загорелая кожа с легкими следами времени и дороги. Вблизи он казался еще более... настоящим. В нем не было той глянцевой безупречности, которую иногда рисует воображение за месяцы разлуки, — только живая, грубая сила и тепло, которое я чувствовала даже на расстоянии шага.

Я поймала себя на том, что затаила дыхание. Тысячи пикселей на экране смартфона не могли передать этой тяжести плеч и уверенного спокойствия в каждом движении.

Я смочила ватный диск своими духами — единственным

антисептиком, оказавшимся под рукой, — и осторожно коснулась царапины. Воздух в комнате мгновенно наполнился моим ароматом, который тут же смешался с чем-то еще, гораздо более жарким.

— Больно? — спросила я почти шепотом.

— С тобой — нет, — отозвался он таким же шепотом, явно подтрунивая.

Я подняла глаза. Он смотрел прямо на меня — чуть склонив голову, поймав мой взгляд в ловушку. Я продолжала обрабатывать его руки, но движения становились все медленнее, а смысл процедуры окончательно потерялся где-то между его пульсом и моим дыханием. Простое прикосновение вдруг стало чем-то большим. Он не отводил взгляда. Мы почти забыли, зачем начали.

Но реальность, эта незваная гостья, ворвалась в комнату в самый неподходящий момент: желудок недвусмысленно намекнул, что романтика романтикой, а ужинать все-таки придется.

Я первой отвела глаза, пытаюсь вернуть беседу в привычное русло.

— Как думаешь, мне надеть каблуки... или мы просто пройдемся по пляжу? — спросила я, вовремя вспомнив о его хромоте после приключений с собакой.

— Надевай что хочешь, дорогая. Мы не пойдем, — спокойно отрезал он. — Поедем на машине.

— На машине? Но ресторан отеля в пяти минутах! А по

пляжу вообще рукой подать.

Он уже не слушал.

Мы дошли до парковки, где нас ждала наша арендованная малолитражка. В моих мечтах я уже потягивала ледяной martini на террасе, подставляя лицо морскому бризу. Но у маленькой машинки были свои планы на этот вечер. Она просто отказалась заводиться.

Вильям тихо, но выразительно выругался. После пятой неудачной попытки он вышел наружу и принялся бродить по пустой стоянке с видом человека, который намерен договориться с мирозданием.

Я осталась в салоне, чувствуя, как усталость накрывает меня тяжелым одеялом. День был слишком длинным: два перелета, липкая жара, нападение макак... А теперь еще и это.

Из соседнего отеля доносились просто божественные звуки и запахи: жареное мясо, какие-то умопомрачительные специи. Музыка смешивалась с шумом прибора.

Желудок предательски сжался.

На секунду в голове вспыхнула мысль: «Брось его здесь с этим корытом. Пять минут по пляжу — и ты в раю с тарелкой салата».

Но я осталась.

Вильям вернулся спокойный и сосредоточенный. В этом был весь он — упрямый контроль над хаосом. Он не просто хотел починить машину, он отказывался признавать поражение перед обстоятельствами.

Наконец он притащил кого-то из персонала и, вместо того чтобы просто ткнуть пальцем в аккумулятор, он и худощавый тайский парень в засаленной кепке, затеяли неспешный, обстоятельный разговор «ни о чем».

Вильям стоял, опершись рукой о крышу нашего авто, и с самым серьезным видом обсуждал с помощником достоинства японских движков, погоду и качество местного бензина. Таец что-то увлеченно объяснял, а Вильям понимающе кивал, будто у них впереди была вечность, а не голодная женщина в салоне.

Через лобовое стекло я видела, как парень достал мятую пачку и протянул ее Вильяму. Тот качнул головой, таец невозмутимо достал сигарету и затянулся один.

Наконец, после финального обмена мнениями о преимуществах подержанных запчастей, они совершили пару манипуляций с клеммами. Мотор чихнул, закашлялся и, наконец, победно заурчал.

Вильям занял водительское кресло с таким триумфальным видом, будто только что посадил горящий Боинг в густом тумане.

— Ну вот, — довольно произнес он, поворачиваясь ко мне. — Все под контролем.

— Твой «контроль» чуть не стоил мне голодного обморока, — проворчала я, не в силах даже улыбнуться.

Вскоре мы сидели на открытой террасе ресторана, глядя на бескрайнее море и залитый лунным светом пляж.

Ужин был безупречным. Идеально прожаренная рыба, сочные овощи и соусы, за которые действительно можно было продать душу. Под расслабляющий лаунж и шепот океана весь дневной кошмар — от вырванных карманов до севшего аккумулятора — внезапно превратился в набор забавных анекдотов.

Я смотрела на Вильяма в мягком свете огней и понимала: это его невыносимое упрямство на самом деле фундамент, на котором держится все его мужское обаяние. Без этого желания все контролировать и дожимать до конца он не был бы летчиком.

Однако Тайланд решил, что шоу должно продолжаться.

При выезде с парковки наша машина неловко задела высокий бордюр. Вильям резко — наверное, слишком по-пилотски — дал задний ход. Раздался хруст пластика, и в боковом зеркале я увидела, как наш бампер сиротливо остался лежать на асфальте.

— Как так?.. — Вильям выглядел искренне оскорбленным. В его мире, отстроенном по строгим правилам, бордюры обязаны подчиняться стандартам и логике, а не прыгать под колеса в самый неподходящий момент.

Он вышел, оглядел масштаб катастрофы, поднял бампер с асфальта и одним уверенным, почти небрежным движением впечатал его на место. Тот послушно защелкнулся. Будто это была не машина, а деталь конструктора.

— Ну вот, — он вернулся за руль как ни в чем не бывало.

— Как новый.

Я невольно улыбнулась. Сытая я уже была способна на такую милость. В этом его жесте было что-то почти мальчишеское — и одновременно невероятно притягательное. Мои мысли снова предательски поползли в сторону его обнаженных плеч и того, как уверенно эти руки сжимали руль.

Не успела я дорисовать в воображении эту заманчивую картину, как мы уже въехали на территорию отеля. Еще мгновение — и дверь нашего бунгало закрылась, с тихим щелчком отсекая весь остальной мир с его бордюрами, макаками и здравым смыслом.

Глава 20

Теплый бассейн встретил нас тихим мерцанием, и после безумного дня он казался не просто роскошью, а настоящей вишенкой на торте.

Вильям, как выяснилось, был стратегом в вопросах романтики. В его багаже нашлось место для деталей, создающих особенную атмосферу: небольшая колонка, ароматические свечи и бутылка прохладного совиньона. Новозеландского, разумеется. Оно предусмотрительно было куплено в дюйти-фри, как маленький сюрприз для нужного момента.

Без сомнения, сейчас момент был именно таким.

Летчик деловито повозился с колонкой, и комнату наполнила обволакивающая музыка. По его движениям было ясно: все идет по плану. Его плану.

— Да у тебя здесь целый набор «Романтика за пять минут», — сказала я, наблюдая, как он зажигает свечи. — Часто устраиваешь такие перформансы?

Он замер, удерживая зажигалку у фитиля. Искра отразилась в глазах.

— Только когда уверен, что компания того стоит. — Он выпрямился и бросил на меня взгляд, от которого по спине прошла волна тепла. — И поверь, этот совиньон слишком хорош, чтобы пить его в неправильном настроении.

Я взяла бокал из его рук, пригубила и тут же постави-

ла на краешек столика. Пить больше не хотелось. День был слишком щедрым на ощущения — он принес столько вкусов во всех смыслах этого слова — любое дополнение казалось лишним.

Сбросив сандалии, я подошла к самой кромке. Звезды отражались в воде так отчетливо, будто их рассыпали в бассейне специально для нас.

— Идешь? — обернулась я.

— Конечно, — его улыбка в полумраке была почти опасной.

Вода обволокла меня сразу и полностью — смыла пыль, усталость и остатки здравого смысла. Я закрыла глаза. Тихий всплеск заставил их открыть. Вильям был уже рядом. Определенно слишком близко — хотя претензий у меня не нашлось.

Его рука коснулась моей талии — осторожно, словно давая мне шанс передумать. Я не передумала. Напротив, сделала шаг ближе, позволяя воде окончательно стереть границы между нами.

— Ты сегодня была смелее, чем выглядела, — прошептал он, и я почувствовала его дыхание у себя на щеке.

— Например?

— Осталась, — просто ответил он. — Не убежала, когда все пошло не по плану.

Я не стала спрашивать, о каком плане идет речь. Просто замерла, когда его ладони медленно скользнули по плечам и

дальше — вниз, под воду.

Эти могучие руки, которые могли починить что угодно, теперь касались меня так нежно, будто я была чем-то хрупким и ценным. Это было неожиданно. И от неожиданности — особенно хорошо.

Вильям не торопился. Сначала он коснулся моих губ почти невесомо — проверяя, не исчезну ли я, если он сделает это по-настоящему.

Я не исчезла.

И тогда его движения стали увереннее, глубже, без прежней осторожности. В его прикосновениях была та же энергия, которую я замечала весь день — в жестах, во взгляде — но здесь, в воде, она ощущалась иначе: теплее, плотнее, не оставляя пространства.

Жар его дыхания на моей шее заставил меня замереть. Вильям едва ощутимо коснулся губами мочки моего уха — по коже снова пробежал электрический разряд. Его губы, влажные от воды и горячие от желания, на секунду замерли, а затем он обжег меня коротким шепотом:

— Ты уверена?

Вопрос прозвучал неожиданно. Зачем он спрашивает? Я уже давно не сопротивлялась — он не мог этого не чувствовать. Но в его голосе не было игры. Была простая, почти наивная честность. Ему действительно было нужно мое «да».

Что ж.

— Да, — ответила я, едва узнавая собственный голос.

Внутренние барьеры мгновенно рухнули. Под его пальцами тонкие бретельки соскользнули с моих плеч, а следом вода бесшумно приняла и все остальное. Теперь между нами не осталось ничего — ни единой преграды — кроме наэлектризованной воды.

Легкое кружево медленно всплыло в стороне и закачалось на поверхности — прозрачное и больше ненужное, как страница из книги, которую уже дочитали.

Мы тонули в бесконечном поцелуе, а под водой наши тела то и дело находили друг друга, и каждое столкновение обжигало.

Контраст его первобытной мощи и моей внезапной наготы отзывался тягучим, сладким спазмом внизу живота. А затем мир сузился до его рук.

Вильям притянул меня к себе — резко, почти властно, так — что дыхание перехватило. Его ладони уверенно подхватили меня под бедра и легко, без видимых усилий, приподняли над водой. Ночной воздух мгновенно остудил кожу, но его губы уже собирали капли с плеч и груди — торопливо, жадно, как будто наверстывая что-то упущенное за день.

Я подставила лицо ночному небу и вдыхала соленый воздух, пропитанный его тестостероном. Было что-то первобытное в том, как он действовал, смакуя эти мгновения и буквально впитывая их вместе с каплями воды и моим стоном.

Я не закрывала глаз, боясь, что стоит опустить веки — и эта ночь окажется лишь наваждением. Мне нужно было ви-

деть, как мои пальцы впивались в его широкие плечи, ловить хищный блеск во взгляде, пока его губы обжигали мою кожу.

Темная глубина под нами не пугала. Сейчас, в руках Вильяма, я чувствовала себя в полной безопасности.

Мир вокруг сжался до размеров этого бассейна. Время окончательно растворилось. Из этого вечера не было пути назад — да я его и не искала. Остались лишь жар наших тел, рваное дыхание и звезды, мерцающие над нами.

Хотя в эту секунду они могли б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.